

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ПОДЛЕЦЫ И ГЕРОИ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Подлецы и герои

«ЭКСМО»

2011

Афанасьев А. Н.

Подлецы и герои / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2011 — (Бремя империи)

В этом мире Российская Империя – по-настоящему великая Держава с огромной территорией и Государем Императором во главе. Но так же, как в нашем мире, головная боль ее внутренней политики – жесточайшие племенные распри на землях Востока, безумная жажда обогащения местных правителей, а на Западе подозрительная возня по ту стороны границы. Эпидемия религиозного фанатизма и терроризма, захлестнувшая мир, не мешает противостоящим России странам, завидующим ее богатствам и опасаящимся ее возрастающего могущества, вести тайную войну против нее и готовиться к явной...

© Афанасьев А. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

9 июня 2002 года	5
9 июня 2002 года	20
Картинки из прошлого	27
10 июня 2002 года	37
Тот же день	38
Тот же день	40
10 июня 2002 года	44
11 июня 2002 г.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Афанасьев

Подлецы и герои

*И мы знаем, что так было всегда,
Что судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым.
Он не знает слова «да» и слова «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имен
И способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это – сон.
И упасть, опаленный звездой
По имени Солнце.*

Виктор Цой
«Звезда по имени Солнце»

9 июня 2002 года

Окрестности Варшавы, Царство Польское

Константиновский дворец

Царство Польское...

Эта территория, не составляющая и десяти процентов российской земли, головной боли доставляла – как половина, если не больше. Одних восстаний сколько – считайте: восстание (по сути, война) 1831 года, восстания 1863–1864 и 1905 годов, варшавский мятеж 1916 года, массовые беспорядки 1931, 1933 и 1951 годов, большое восстание 1964 года, вооруженный мятеж и беспорядки 1981–1982 годов. Польский гонор в сочетании с рецидивами польской державности давних времен, когда не русские брали Варшаву, а поляки – Москву, в сочетании с огромным влиянием масонства, в сочетании с враждебной пропагандой католической церкви, которую Государь так и не запретил, хотя его об этом просили, давали такую взрывоопасную смесь, что в Польше спокойно не было никогда. В Польше не было стабильной власти, впрочем, польский народ никогда и не принимал стабильной власти. С давних времен в Польше властвовала шляхта. Сложно даже дать определение, что такое шляхта. Это военное дворянство, но дворянство, которое не служило государству и престолу – наоборот, это престол служил шляхтичам. Шляхта избирала короля – в Польше не было понятия «престолонаследие». Шляхта собирала свой орган управления – сейм, и по многим вопросам король должен был обращаться за разрешением в сейм. Шляхтичей было аномально много – если в Российской империи к дворянам относилось два-три процента населения, то шляхтичи в Польше составляли не менее десяти процентов. До развала Польши шляхта не имела воинской повинности, почти не платила налогов, никому и ничему не подчинялась. Стоит ли удивляться тому, что Польша – государство слабое и анархическое – прекратила свое существование, а его части поделили между собой Россия и Австро-Венгрия?

Надо сказать, что в Австро-Венгрии положение поляков было более тяжелым, чем в Российской империи. Только в тридцать седьмом, когда опасно пошатнулся трон венских кесарей, когда Россия едва не вторглась в Австро-Венгрию, было отменено уложение о том, что поляки не имеют права говорить по-польски. Только за одно слово, сказанное по-польски, полагалось пятьдесят плетей. Прошелся по полякам и адвокат Павелич, имевший большое влияние в государстве, – огнем и мечом. Тогда было сожжено больше двухсот костелов, а ксендзов и капел-

ланов недолго думая бросали в огонь. Вот так адвокат Павелич поступал с поляками – и ни Британия, ни Североамериканские Соединенные Штаты, ни Священная Римская империя не сказали по тому случаю ни единого слова.

В Российской империи Польша представляла собой особую автономную область, называвшуюся Царство Польское, а во главе Царства Польского стоял царь династии Романовых. Варшава была столичным городом и центром особой территории, называвшейся Варшавским военным округом. Был еще Виленский военный округ со штабом в Вильно, туда входила часть польской территории. Польша имела собственную монету – золотый, чеканившуюся в Санкт-Петербурге на монетном дворе, свой бюджет с большими, чем у других областей, бюджетными привилегиями, свою конституцию. Кстати, Царство Польское было единственным субъектом Российской империи, имевшим собственную конституцию. В самой Российской империи конституции не было, ее заменял ряд царских манифестов о даровании подданным тех или иных прав и свобод (эти права и свободы даровались Его Величеством всем подданным по рождению и были неотчуждаемыми) и об учреждении тех или иных органов власти. Польские гонористые шляхтичи были приравнены к дворянам Российской империи, но радости от этого не испытывали, потому что в России дворянство – это труд и служение, а не вечный раскол и стремление к бунту.

Особым был и порядок управления Царством Польским. Главой государства – а Польша являлась государством, состоящим в вечной унии с Российской империей, – был Царь Польский, на сей день царь Константин Романов из старой ветви династии, прервавшейся на Алексее. Однако часть государственных функций отправлял генерал-губернатор Варшавы, чья власть распространялась исключительно на Варшаву, и Генеральный Прокурор, следивший за соблюдением законов Российской империи и за соответствием польских законов законам российским. Каждый из них имел собственный штат, набранный в основном из местной шляхты – просто чтобы занять ее делом. Шляхетскими же были некоторые военные части, расположенные на территории Польши, но не все, большая часть была исключительно русской. Вся пограничная зона по Берлинскому мирному договору была поделена на сектора и охранялась казаками и полициантами. И Австро-Венгрию, и Священную Римскую империю не устраивало наличие крупных сил казаков на границе, они неоднократно поднимали вопрос о точном соблюдении Берлинского мирного договора и вводе в пятидесятикилометровую зону частей местного ополчения, но Российская империя категорически отказывалась от такой трактовки. Государя можно было понять – контрабанды в стране и без этого хватало...

Положение Царя Польского в стране было двусмысленным. С одной стороны, по конституции он был главой государства и неограниченным монархом. С другой стороны, каждый Царь Польский при вступлении на трон подписывал унию с Россией, где добровольно уступал большую часть своих прав и привилегий, а также обязывался во всем следовать российским законам. Поэтому часть подданных считала его предателем и чужаком, другая часть считала, что лучше такой царь, чем никакой, и с удовольствием исполняла придворные обязанности при польском дворе. А такие, как молодой граф Ежи Комаровский, и вовсе служили в русской лейб-гвардии и были вхожи в Александровский дворец. После векового величия русского самодержавия польское как-то... не впечатляло.

Кстати, про молодого графа Ежи.

После нелегкого разговора с отцом он едва не порвал пригласительный билет на бал. Вовремя одумался, спрятал подальше – на случай, если опять накатит. На графа Ежи иногда и в самом деле «накатывало», и он терял рассудок, готов был на любое безумство. Это была не болезнь. Это было польское шляхетство, которое, как считали некоторые русские острословы и карикатуристы, само по себе являлось болезнью.

За четыре дня до бала граф Ежи заказал себе новую форму. Бал был не костюмированный; подумав, он решил, что лучшим одеянием для бала будет форма поручика Его Импера-

торского Величества Лейб-Гвардии Польского гусарского полка. В конце концов, допускают же на балы в Александровском дворце в военной форме, какой бы она ни была. Почему же здесь не должны впустить?

Всю глубину своей ошибки граф Ежи осознал уже на стоянке, где он приткнул свой красный «Мазератти». Автомобиль его, весьма приметный на улицах Варшавы, здесь был... среднего уровня. Были здесь и «Майбахи», и «Роллс-ройсы», и «Руссо-балты». Был «Кадиллак» североамериканского посла, чересчур помпезный и чересчур дешевый для такого размера. А вот людей, любящих Россию, здесь не было.

Русскую гвардейскую форму здесь не уважали. Уже на ступенях недавно построенного – по Версальским калькам – дворца понесся, мечась между разряженными придворными, поганенький шепоток:

Москаль!

Перекатывая каменные желваки, гордо подняв непокорную голову, граф Ежи пошел вперед. Нет, он не москаль, он шляхтич и сам выбирает себе службу. Его отец выбрал службу – и он выбрал. Он служит огромной империи, простирающейся на тысячи верст во все стороны, он служит величайшему самодержцу в истории, чей титул не умещается на странице бумаги, чьи земли не знают края, чья армия не знает равного ей врага. Нигде и никогда на Земле не возникало империи, равной по мощи Российской, никогда и не возникнет. Он был принят в Александровском дворце, лично знал Цесаревича и видел Государя Александра. И не дело местечковой шляхте перешептываться по углам...

Царь Константин, уже пожилой, но все еще неутомимый ходок по прекрасным паненкам, герой варшавских остряков, почувствовал что-то неладное, какое-то напряжение. Он стоял в окружении придворных – танцы еще не начались, и он коротал время за анекдотами и сплетнями, перебивая кости представителям местного дипломатического корпуса¹. Ходили недобрые слухи про царя и молодую супругу посла Североамериканских Соединенных Штатов... и если Император Александр сделал бы все, чтобы не измазать грязью ни свое имя, ни имя дамы, то царь Константин не только не пресекал слухи, но и сам не упускал возможности плеснуть масла в огонь...

– Что там? – тихо спросил он.

Граф Священной Римской империи² Валериан Сапега скользнул в толпу, незаметно, как он умел это делать – все выяснит, все доложит...

– Возможно, явился кто-то, удаленный от двора, – негромко предложил еще один достойный представитель польского магнатства, князь Священной Римской империи Людвиг Радзивилл. При польском дворе он служил казначеем не один год и ударными темпами поправлял личное благосостояние, несколько промотанное своими предшественниками. Злые языки говорили, что Радзивилл поставил спиртзаводы чуть ли не в своих ординатских замках, в подвалах, где ранее хранились более благородные и тонкого вкуса напитки³.

– Не хотелось бы. Скандал был бы сейчас некстати...

¹ В Варшаве были размещены не консульства, а посольства, потому что Польша считалась отдельным государством.

² В польской шляхте ценились именно звания Священной Римской империи – и никто особо и не замечал, что речь тут идет не о Священной Римской империи германской нации, а о павшей под натиском варваров Римской империи со столицей в Риме. Цезарем Рима был русский император, но он простодушно не пользовался этим, считая неразумным и ненормальным присваивать кому-либо дворянство несуществующего государства. Хотя в умелых и циничных руках это могло стать страшным оружием! Однако титулы Священной Римской империи, полученные польской шляхтой ранее, сохранялись и передавались по наследству. А ценились они потому, что не обязывали служить в армии и вроде как не имели никакого отношения к ненавистной России.

³ **Ординат, ординация** – принятая в Польско-Литовском государстве форма майората, при котором земельные владения были неотчуждаемыми и неотделимыми и переходили от отца к старшему сыну по наследству. В пределах своей ординации магнат обладал чуть ли не суверенными правами. У богатейших родов Польши в ординации были целые города. На текущее время прав таких уже не было, и ординациями владели на основании обычных вещных прав, как землей и недвижимым имуществом.

Все те, кто сейчас собрался на балу, были поляками Нового времени – новыми поляками. Из тех, кто ненавидит Россию, но кроме громких речей и какого-то количества денег не готов сам лично сделать ничего, дабы сбросить москальское иго с Польши. Все они – Жолкевские, Зборовские, Потоцкие, Радзивиллы, Сапегы – удивительным образом вписались в жизнь новой, восстановленной после мятежа и массовых беспорядков 1981 года Польши. Понимая, что недалеко и до новых беспорядков, после восемьдесят первого власть сделала иезуитски хитрый ход – расколола сопротивление. Это как чайник: если его поставить на огонь и не давать выхода пару, рано или поздно он взорвется. Если выход пару давать – весь пар уйдет через свисток, никакого взрыва не будет.

Вот и шляхта была тем самым паром, который уходил в свисток. Они собирались при дворе, произносили дерзкие речи, грозили москалям неисчислимыми несчастьями, фрондировали как могли. В Варшаве выходили несколько подпольных антироссийских газет с возмутительными материалами и карикатурами, в том числе и на Высочайшее имя, – типографии их никто особо не искал. Этим и заканчивалась «освободительная борьба» большей части поляков – чтением запрещенных газет и возмутительными, бунтарскими высказываниями. Со шляхтой было еще проще – ибо каждый нашел свое место в этой жизни и терять его не хотел. Поводов для уголовной ответственности было более чем достаточно – подпольное винокурение, участие в контрабанде, скупка краденого, подделка ассигнаций и гербовых бумаг. Уклонение от уплаты пошлин, сборов и податей – любимая статья Уголовного Уложения. Поэтому подавляющая доля шляхты перешла от реального насилия к очень жесткому условному – демонстративная фронда и произнесение возмутительных речей.

И бал был их территорией. А появление на балу москаля грозило стать искрой, способной поджечь бочку с порохом.

– Не пора, Ваше Величество? – спросил третий придворный, стоящий рядом с королем, невысокий, толстенький Ян Потоцкий, главный церемониймейстер при дворе.

Царь мельком мазнул взглядом по золотым часам «Вашерон Константин», которые он носил на иноземный манер – циферблатом вниз, а не вверх. «Павел Буре»⁴ был при этом дворе явно не в фаворе...

– Немного подождем. И Борис где-то шляется...

– Их Высочество цесаревич Борис изволили телефонировать, что задерживаются.

– Хорошо хоть телефонировать додумался...

Из толпы вынырнул Сапега.

– Ваше Величество... на пару слов.

Государь кивнул, они сдвинулись чуть в сторону, к стене, придворные демонстративно отвернулись, хотя не стоило сомневаться в том, что уши они наостригли до предела.

– Ваше Величество, здесь москаль, – негромко доложил Сапега.

Царь недоуменно поднял выщипанные по польской моде брови. Хорошо хоть голову не обрил⁵...

– Москаль?

– Именно, Ваше Величество, москаль! Молодой человек в форме одного из русских гвардейских полков.

– У кого хватило ума на столь дерзкую выходку?

Сапега немного замялся.

– Говорите же, Валериан, – подбодрил его царь.

– Ваше Величество, я этого молодого человека никогда раньше не видел, – сказал Сапега.

⁴ **Павел Буре** – придворный часовщик, поставщик двора ЕИВ. Весьма известная фирма, по качеству превосходящая даже швейцарские бренды. Помимо придворных часов выпускала и обычные, но очень дорогие часы, с корпусами из титановых сплавов и спецсталей.

⁵ В обычаях поляков было брить голову. На Руси такая «прическа» считалась ненормальной.

Царь провел рукой по короткой, «мушкетерской» бородке.

– У него был пригласительный билет? – иронично спросил он.

– Не могу знать, Ваше Величество.

– Извольте выяснить это, спросите у стражи, как москаль сюда попал. Переговорите, узнайте, кто он такой и что ему здесь надо.

– Слушаюсь, Ваше Величество... – Сапега снова канул в людское море.

Царь посмотрел на часы. Как некстати... Надо объявлять контрданс⁶... иначе не миновать драки...

– Господин Потоцкий!

– Я здесь, Ваше Величество.

– Извольте начинать. Бориса ждать не будем.

– Слушаюсь!

Главный церемониймейстер двора отвернулся и начал бешено жестикулировать перед оркестром, давая указания. Первые звуки венского вальса, величавые и плавные, поплыли над людским морем...

Графиня Елена в ожидании начала танцев «тусовалась» с подругами в одном из углов просторного бального зала, нетерпеливо постукивая каблучком о паркет и не слишком обращая внимание на снующих вокруг шляхтичей. Ей было скучно – убийственно скучно, и на бал она пошла только по настоянию родителей, дабы подбодрить «предков». Ей не нравилось здесь – ни начищенный до блеска дорогой наборный паркет, ни ароматизированные свечи, дававшие тяжелый, какой-то удушающий аромат, ни выющиеся вокруг хлыщи. Как ни странно, нрав графини Елены был далеко не шляхетский, и она сейчас с куда большим удовольствием оказалась бы... например, в «Летающей тарелке» на Маршалковской, где можно курнуть конопли веселья ради и где почти у всех посетителей волосы раскрашены во все цвета радуги. Она знала и то, для чего послали ее сюда родители – подыскивать жениха. Род Ягодзинских был ни богат ни беден, у них имелись деньги, но не было собственных земель, на что так обращала внимание шляхта при определении знатности той или иной фамилии. Однако графиня Елена была потрясающе красивой (по-польски красота, как ни странно, – «урода»), и можно было надеяться на хорошую партию с кем-нибудь из придворной шляхты...

Сейчас она, прикрывшись веером, вела скучный и ни к чему не обязывающий разговор с подругами. «Сольную партию» в разговоре вела некая Анна Выжелковская, не красивая, но и не дурнушка, любительница сплетен, осведомленная о любовных страстях доброй половины варшавского высшего света...

– Так вот... – Анна на этом месте непристойно хихикнула, – князь Ян и решил проследить, куда это ходит его благоверная, понимаете. Ну и проследил...

– И что?

– Выломал дверь... а там его невеста... с одним старичком...

– В коленно-локтевой позе!

Дамы непристойно захихикали, обмахиваясь веерами. Историю эту уже более-менее знали все – некая дама из довольно благородного рода... решила подзаработать немного денег. Старик этот был владельцем доброго десятка отелей в одной только Варшаве, и деньги у него водились. Теперь сия дама, известная в варшавском свете как Натали, была беременна и не знала от кого. Кости тут перемывать... хватит недели на две точно.

– Князь Ян такой милашка... – мечтательно проговорила графиня Кристина, уже длительное время о нем мечтавшая и теперь готовая ринуться в бой, ибо путь был свободен.

– Хелен?

⁶ **Контрданс** – начальная часть бала, в этой части подбираются пары для танцев.

Графиня Ягодзинская недоуменно посмотрела на сплетницу Выжелковскую.

– А расскажи нам, как дела у тебя с цесаревичем?

– С цесаревичем?

– О, Хелен, не говори, что ты ничего не поняла... – при этих словах сплетница плотоядно улыbnулась, – об этом знает пол-Варшавы. Как он на тебя смотрит...

– Ты, должно быть, ошиблась. Ему больше нравится смотреть на мальчиков из «Голубой лагуны»...

– Да брось. Ему надо жениться, он ведь не глупец и понимает, что без супруги не сможет унаследовать польский престол.

– Жениться? – графиня Елена недобро улыbnулась. – Или выйти замуж?

Увы, это было чистой правдой. Цесаревич Борис был мужеложцем, и об этом перешептывалась половина Варшавы. К мужеложству (истинной мужской любви, как тут иногда говорили) его пристрастил один из придворных: при польском дворе содомиты вообще чувствовали себя очень вольготно и в полном праве. Странно, но никто из шляхты не взбунтовался и не потребовал лишить цесаревича Бориса права на престолонаследие. Польша всегда была более свободной и прогрессивной страной, чем «немытая Россия», и к различным «меньшинствам» здесь относились с пониманием. Нравится заниматься мужеложством – твое личное дело. Собственно говоря, в среде польской молодежи мужеложство давно считалось не смертным, содомским грехом, караемым публичной поркой, заключением и отлучением от церкви, а неким элитарным развлечением. Среди студентов Варшавского политеха ходила поговорка, что каждый мужчина должен хоть раз в жизни посетить гей-клуб. Зная о такой вольности нравов, в Варшаву нередко переселялись подданные «альтернативной ориентации», или попросту – содомиты, из Москвы, Санкт-Петербурга и других русских городов.

Полагать, что русская аристократия с пониманием отнесется к претендующему на престол мужеложцу, было бы глупо.

– Ах, ну какая тебе разница, тем более, по слухам, он бисексуал... Лично я бы не раздумывала. Тем более брак с геем хорош тем, что он не станет тебя ревновать к твоим мужчинам и у тебя появится возможность немного погулять.

– Зато ты будешь ревновать его к своим друзьям. И еще заразишься от него какой-нибудь дурной болезнью.

– Панночки...

Графиня Кристина, еще одна из красавиц польского света, заметила что-то неладное...

– Что там?

– Какой-то скандал...

Выжелковская мгновенно растворилась в толпе – разнохивать...

– Укоротить бы ей язык...

– Да брось. С ней весело, это лучше, чем выслушивать нудные признания какого-нибудь придурка...

Выжелковская вернулась быстрее, чем это можно было бы ожидать...

– Панночки... москаль!

– Какой москаль?

– Настоящий москаль! В русской форме!

– Скандал...

– Панночки, он идет сюда...

К москалю, да еще в форме русской гвардии, польские паненки проявили куда больший интерес, чем к увивающимся рядом с ними местным, польским хлыщам. Хлыщи эти уже надоели вусмерть...

Тем более что москаль и в самом деле был хорош – несмотря на то что москаль.

Подойдя к целомудренно прикрывшимся веерами дамам, москаль коротко поклонился. Графиня Елена тоже прикрылась веером, чтобы никто не заметил ее растерянности...

– Пани... разрешите представиться... граф Ежи Комаровский, поручик лейб-гвардии Его Императорского Величества Польского гусарского полка.

– О... очень приятно... граф... – первой опомнилась Выжелковская. – Вы ведь не откажете дамам составить нам компанию и защитить нас от несносных нахалов и приставал?

– Почту за честь, сударыня...

Выжелковская полоснула взглядом по своим товаркам и сразу все поняла. Но на сей раз... против своего обычая, пока ничего не сказала...

Объявили контрданс, уже все сообразившие подружки нарочно встали так, что графиня Елена оказалась как раз напротив москаля. И делать тут было нечего – ее жалкая попытка протиснуться на какое-нибудь другое место была немедленно и безжалостно пресечена...

– Рад вас видеть, графиня... – спокойно произнес граф Комаровский, когда они оказались рядом, негромко, чтобы никто не услышал.

– Не могу сказать то же самое о себе... Как вы сюда прошли?

– По пригласительному. Показать?

– Не надо... Вижу, русская разведка не теряет времени даром.

– Да бросьте. Какая такая разведка...

– Та, на которую вы работаете.

– Я не работаю, я служу, и место моей службы вы знаете. А привела меня сюда память о ваших бездонных глазах.

Графиня Елена фыркнула, как кошка.

– Придумайте что-нибудь получше. Это я уже слышала много раз.

– Увы, но правду не скроешь...

Несмотря на вспыхнувшую ненависть, графиня Елена была вынуждена признать, что москаль неплохо танцует, где-то он этому изрядно научился. И когда один из расфранченных местных хлыщей попытался ее отбить, одним только взглядом она дала ему понять, куда ему следует идти с его попытками...

Граф Валериан Сапега пробился к интересовавшему его молодому человеку лишь в перерыве между первым и вторым турами вальса. К его великому облегчению, драку еще никто не затеял... по крайней мере, пока Борис не появился со своей свитой. Как только появится... драки не миновать, хотя бы из-за прелестной пани Ягодзинской.

Надо было что-то предпринимать...

– Молодой человек... – шепнул он москалю почти в ухо, – на пару слов.

Они отошли, подговоренный Сапегой лакей встал между ними и залом, чтобы не плодить новые сплетни...

– Молодой человек... – Валериан Сапега говорил негромко, но внушительно, – ваша дерзость делает вам честь... но, появляясь в первый раз при дворе... вам не мешало бы представиться вашему Государю.

Молодой человек ожег его взглядом, как хлыстом.

– Сударь. Наш род имеет своим сюзереном единственно Императора Российского, коему я имел честь быть представленным. Честь имею.

Опытный царедворец, велеречивый оратор, граф Валериан Сапега непроизвольно вздрогнул. Нужно было иметь немалое мужество, чтобы прийти на бал в костюме русской лейб-гвардии, но еще большее мужество понадобилось, чтобы произнести те слова, которые молодой человек произнес. В этом месте девять присутствующих из десяти, услышав такие слова, начали бы искать повод для дуэли.

Кто этот человек? Провокатор? Не похож, да и молод слишком. Безумец? Но все варшавские безумцы, способные предпринять такую возмутительную выходку, давно известны, а этот молодой человек не был известен никому из придворных особ.

Но слова были сказаны – и теперь следовало подобрать ответ.

– Ваша верность престолу делает вам честь, молодой человек, – нейтральным голосом проговорил Сапега, – но ваше воспитание должно подсказать вам, что невежливо являться незнакомцем на бал, не представившись его хозяину.

Молодой человек размышлял какое-то время, потом кивнул.

– Вы правы, сударь. Не соблаговолите ли оказать мне честь и представить меня хозяину сего бала?

– Охотно. Как вас представить?

– Граф Ежи Комаровский, поручик лейб-гвардии Его Императорского Величества Польского гусарского полка.

На лице Сапеги не дрогнул ни один мускул, хотя фамилия Комаровский, безусловно, была ему хорошо знакома.

– Извольте следовать за мной, граф...

Придворные тихо расступились перед ними, дали дорогу. Все ждали продолжения спектакля, ибо из таких вот спектаклей и складывается придворная жизнь.

Царь Константин повернулся к ним, протянул руку с недопитым бокалом шампанского, и лакей ловко поймал его на свой серебряный поднос.

– Ваше Величество, – замогильным, довольно громким голосом провозгласил Сапега, – позвольте представить вам графа Ежи Комаровского, поручика лейб-гвардии Его Императорского Величества Польского гусарского полка.

На какое-то мгновение в зале воцарилась тишина – муха пролетит и то будет слышно.

– Рад вас видеть, граф. – Царь шагнул вперед и по-простецки протянул руку для рукопожатия. – Добро пожаловать в мой дом.

– Благодарю, Ваше Величество... – граф Комаровский пожал протянутую ему руку, склонил голову.

Одной грозы удалось миновать...

Когда граф Комаровский оказался рядом с царем Константином – царь решился. Шагнул ближе...

– Господин граф...

В шуме бала Комаровский его услышал, обернулся.

– Ваше Величество...

– Император Александр ничего не просил мне передать? – закинул удочку царь Константин.

Комаровский отрицательно качнул головой.

– Увы, Ваше Величество, я еще не в тех званиях, чтобы служить конфидентом у Его Императорского Величества Александра.

Царь кивнул головой и отвернулся к своим придворным.

...Если собираются на горизонте тучи – следует ждать грозы. Увы, но по-другому не бывает, и глупец тот, кто, увидев тучи, собирается в дальнюю дорогу без зонта или плаща.

Цесаревич Борис появился лишь к окончанию второго тура вальса. Увы, то ли пьяный, то ли уже взбодрившийся дозой кокаина, которую в этой среде тоже не считали за грех, а единственно – за развлечение. С ним были семь или восемь человек – его свита, такие же, как он, дерзкие и распутные хлыщи, не имеющие ни малейшего представления о нормах этикета.

Вернее, представление-то они имели, но, взбодрившись абсентом⁷ или понюшкой кокаина, о них, увы, забывали. На время.

Свою «даму сердца», вернее, ту, которую он считал дамой сердца, цесаревич Борис увидел сразу. И москаля рядом с ней – тоже увидел...

– Это москаль, – озвучил свое наблюдение один из придворных «молодого двора»⁸.

Борис недобро выругался.

– Кто-нибудь его знает?

– Нет.

– Нет...

– Нет, милорд...

– Сделать его? – недобро спросил еще один.

– Не надо. Не надо устраивать публичный скандал. Как только он будет уходить или куда-нибудь выйдет, скажите мне. А пока – следите за ним...

«Вышел» москаль после третьего тура вальса – на самом деле танцевать вальс, правильно и в переполненном зале, было не так-то просто. Это почти физическое упражнение, пот льет градом, тем более что в зале душно. В общем – освежиться на террасе, заодно и покурить, ежели кто курит, – самое то...

Граф Ежи не сразу заметил, как терраса вдруг опустела. А заметив, не придал этому никакого значения. Докурив – курил он мало, максимум по две-три сигареты в день, не обычных, а японских, соусированных⁹, пристрастился в свое время и отвыкнуть не мог, – щелчком отправил бычок за массивные перила ограды, повернулся...

– Стой!

Человек, торопливо вышедший из темноты, не был ему знаком.

– Ты кто такой?

От человека пахло какой-то мутной дрянью... не иначе, конопля.

Что за хам...

– Сударь? – недоуменно спросил граф Ежи, отличавшийся достойным русского, лейб-гвардии офицера воспитанием.

– Ты кто такой? – вновь спросил человек, подходя ближе.

– Сударь, прежде чем подходить к благородным людям с таким вопросом, не мешало бы представиться самому...

Человек остановился – резко.

– Ты меня не знаешь?

– Не имею чести, – холодно ответил Комаровский, раздумывая, как такого возмутительного хама вообще пустили в общество.

– Я цесаревич Борис, наследник этого проклятого царства!

Он что – идиот?!

– Сударь. Извольте представиться своим настоящим именем, ибо столь возмутительное и непристойное хамство никак не может исходить из уст наследника престола!

– Ах ты...

Графу Ежи даже не пришлось особо ничего делать. Он просто шагнул в последний момент в сторону, пропуская цесаревича мимо себя, и подтолкнул его, придавая дополнительное ускорение. С коротким криком наследник польского престола врезался грудной клеткой

⁷ **Абсент** – полынный ликер, крепость 70 градусов. Принимая его часто, можно и свихнуться.

⁸ **Молодой двор** – то есть двор наследника престола. Бытовало такое выражение.

⁹ **Соусированных** – то есть сигареты вымачивают в «соусе», а потом заново высушивают. Это дает своеобразный вкус и ароматный дым.

в ограждение террасы, едва не перевалившись через него на ступени вниз, и бессильно осел, хватая ртом воздух, как вытщенная из воды рыба.

– Честь имею.

Граф Ежи повернулся, чтобы уйти, – и столкнулся с уже тремя юнцами.

– Ты... ты что сделал?!

По воспитанию юнцы (бывшие одного с ним возраста, но совершенно возмутительного воспитания) ничуть не уступали своему предводителю, осмелившемуся утверждать, что он – наследник престола.

Один из юнцов вытащил что-то из кармана...

– Господа, вам лучше уйти с моей дороги... – сказал граф Комаровский, незаметно делая шаг назад и чуть в сторону, принимая устойчивую позицию для рукопашного боя.

– Граф Мишковский!!!

Внезапно появившийся на террасе граф Валериан Сапега взял юнца, вытащившего что-то из кармана, за плечи, повернул лицом к себе, с размаху хлестнул по щеке. Раз, другой, третий. Двое оставшихся отступили, тот, кого называли графом Мишковским, покорно переносил экзекуцию, голова его моталась из стороны в сторону.

– Что вы здесь удумали?! Вон из дворца! Вон, песьи дети!

Не говоря ни слова, тройца задир исчезла с террасы. Граф Сапега подошел к еще не пришедшему в себя горе-драчуну, с усилием поставил его на ноги...

– Вы нажили себе немало опасных врагов за один вечер, граф Комаровский... – иронически заметил граф Сапега.

– Сударь. Тот человек, которого вы пытаетесь сейчас привести в себя, сказал совершенно возмутительные вещи. Он заявил, что именно он является наследником польского престола, а потом попытался напасть на меня!

Сапега покачал головой.

– Это и есть наследник польского престола, цесаревич Борис. С его дамой сердца вы протанцевали три тура вальса, и, видимо, он не нашел другого способа выказать вам свое возмущение этим фактом. И на вашем месте я бы немедленно покинул бал, не дожидаясь еще больших неприятностей. Его Величество царь Константин хорошо принял вас, но у всего есть пределы, и надевать русскую гвардейскую форму все же не следует, появляясь в обществе.

Непостижимо уму!

– Господин Сапега, я имею честь служить Его Величеству Императору Александру в Его Императорского Величества лейб-гвардии Польском гусарском полку, и ничто на свете не заставит меня стыдиться своей формы и принадлежности к русской армии, снискавшей себе немало побед на бранном поле!

Царедворец пожал плечами.

– Воля ваша, граф. По крайней мере, я вас предупредил.

– Благодарю.

– Поехали отсюда...

Графиня Елена шепнула эти слова ему на ухо, прижавшись на один миг в танце. Как же мало надо, чтобы сердце мужчины пустилось в пляс. В мазурку, например.

– Как?

– Я выйду минут через десять после вас.

– Красный «Мазератти», дальний угол стоянки. Тот же самый.

– Хорошо. Жди меня, мой герой...

На стоянке его, конечно же, ждали. Не могли не ждать, ибо такую породу людей – подлую и коварную – граф Ежи хорошо знал. Такие встречались в кадетском корпусе, и их по ночам били. Кто-то исправился. Кто-то нет.

Тогда, под мостом, он действовал инстинктивно, обороняясь. Сейчас же он был готов ко всему. А победить готового к бою офицера лейб-гвардии, тем более, если противники его либо пьяны, либо обкурены, – невозможно...

Первый ждал, спрятавшись за массивным, угловатым «Роллс-ройсом» с заказным кузовом от Маллинера – размеры его были таковы, что за ним и пригнуться особо не приходилось. Затаившийся сосредоточил все свое внимание на том, что происходит у входа на стоянку, – и не услышал, не заметил, как позади, за его спиной, расступились кусты. Граф Ежи просто приложил его головой о кузов «Роллс-ройса», подхватил выпавшую из враз ослабевшей руки железяку, помешав ей стукнуться об асфальт и привлечь тем самым внимание сообщников.

Граф Ежи был удивлен – это еще мягко сказано. Он был лично знаком с цесаревичем Николаем, входил в патронируемый им «Клуб молодых офицеров» и просто не мог себе представить, чтобы цесаревич, набравшись спиртного, нападал на людей, а Россию называл «чертовым государством»... или как там выразился этот хам. Да, конечно, все они были молодыми и иногда устраивали выходки, в том числе и цесаревич. И пили, такое тоже бывало, и бедокурили – не без этого. Но сразу за этим следовало суровое наказание, обычно удаление от двора и ссылка в армию. Действовало.

А тут? Что же это за наследник такой, куда он приведет Польшу? Он ведет себя не как наследник, а как разбойник с большой дороги или набравшийся крепкого пива хулиган из какой-нибудь пиварни. И видимо, все считают подобное возмутительное, недостойное наследника поведение само собой разумеющимся!

Пригнувшись, граф крался между машинами, через каждые несколько шагов останавливаясь и прислушиваясь.

Где же он?

У машины! Прямо у «Мазератти», машина низкая, и спрятаться за ней невозможно. Вот мерзавец...

Шаг... Еще шаг...

В последний момент негодяй резко обернулся, распрямляясь...

– Спых!

Больше ничего он крикнуть не успел – граф Ежи простецки угодил носком сапога прямо в промежность, а когда противник, шипя от боли, согнулся, – добавил еще и по голове...

Сзади!

О том, что он упустил из виду еще одного противника, граф убедился через мгновение. От удара по голове он уклонился, но пространства между машинами не было, и удар чем-то тяжелым, металлическим пришелся по плечу. Преодолевая вспышку боли, граф прыгнул вперед, разрывая дистанцию, следующий удар пришелся вскользь, по спине...

Псы крив...

Этот противник... то ли он был не такой пьяный, как остальные, то ли просто крупнее прочих, но граф сразу же расценил его как весьма опасного. И впрямь большой – метра под два...

Шаг в сторону. Еще шаг. По кругу, почти так же, как в учебнике с фиолетовым штампом «Совершенно секретно» на каждой странице, где на сером листе сходятся две человеческие фигурки, черная и белая. Кстати, еще дешево отделался: будь у противника нож, сейчас бы он уже засадил ему в почку или печень.

Противник тоже медленно перемещался по кругу, каждый ждал, пока ошибется другой.

– Ну что, москалина, – внезапно заговорил третий, – вставай на колени, так и быть, помилую тебя...

– Русский никогда не встанет на колени.

Это не было рисовкой, трудно в это поверить, но граф Ежи Комаровский, давно считавший себя русским польского происхождения, действительно так думал. Он не стыдился ни того, что он русский, ни своего польского происхождения – и нечему было тут стыдиться.

Более того – большинство русских, попав в такую же ситуацию, не задумываясь сказали бы то же самое.

Русский никогда не встанет на колени.

– Ну, смотри...

– Ежи!

Появившаяся на стоянке Елена своим криком отвлекла противника на долю секунды, но графу Ежи хватило и этого. Рванувшись вперед, мгновенно сократив дистанцию, он угостил третьего прямым в подбородок, отбил несущуюся к нему железную палку, ударил еще раз и еще. Противник неуклюже осел на асфальт, совсем рядом истерически взвыла сигнализация. Отлетевшая палка ударила по одной из машин, да так, что треснуло лобовое стекло.

Елена подбежала к нему, граф судорожно нащупал в кармане ключи, протянул ей.

– Заводи! Умешь?!

– Да...

Совсем рядом утробно взревел двигатель «Мазератти», не с визгом, как обычный итальянский мотор, а солидно, с достоинством и скрытой мощью. За это ценители и уважали «Мазератти», итальянский спорткар с берлинскими нотками в голосе.

Граф Ежи оттащил своего надежно выключенного соперника с дороги, посадил его, прислонив спиной к машине. Надо было сматываться – противоугонная сирена выла не переставая, и через пару минут здесь соберется все местное быдло. Иначе граф Комаровский местное «общество» охарактеризовать не мог.

Едва не задев начальственного вида «Майбах», графиня Елена вырулила из ряда машин, затормозила рядом...

– Садись!

Графа Ежи долго упрашивать не пришлось.

Почти сразу граф пожалел, что пустил даму за руль. По его шовинистическим взглядам, женщине вообще не место за рулем. Тем более такой. Такой в том смысле, что графиня вела машину рискованно, летала с полосы на полосу и жала на газ как сумасшедшая. Так недалеко было и до аварии...

– Осторожнее! – крикнул граф, когда они едва не слетели в кювет, на скорости километров на тридцать большей, чем стоило бы...

Елена в ответ только засмеялась, истерично и неприятно.

– Здорово! – крикнула она, и ревуший поток воздуха унес ее слова.

Графу Ежи в этот момент было совсем даже не здорово.

– Поиграем в корриду?! – предложила графиня Елена и прежде, чем граф успел сообразить, что это означает, – резко повернула руль, вылетая прямо на встречную полосу. Истерично взревел клаксон идущего в лоб многотонного грузовика.

Матка боска...

Сворачивать было уже поздно, огненные шары фар грузовика стремительно неслись навстречу. Выход был один – смертельно рискуя, граф Ежи перехватил руль, рывком повернул его дальше, и машина, разминувшись с неминуемой смертью, вылетела на обочину противоположной стороны дороги.

– Тормози!

Графиня по-прежнему давила на газ, «Мазератти» рвался вперед, словно необъезженный жеребец, рыская по обочине, посыпанной гравием, и поднимая из-под колес каменные фонтаны. Поняв, что нет смысла разговаривать с этой психопаткой, граф сумел каким-то немислим движением, удерживая руль, перегнуться и давануть на тормоз рукой. На какой-то момент

мелькнула мысль, что эта психопатка сейчас вывернет руль и они снова выйдут в лоб какому-нибудь самосвалу. Но нет – знакомо застрекотала АБС, и машина, пройдя еще под сотню метров, остановилась...

– Йезус Мария! Ты что, совсем больная?!

Елена снова захохотала.

– Здорово, правда?

Граф Ежи залепил ей пощечину, такую, что голова красотки дернулась.

– Курва matka!

Не в силах сдерживаться, граф выдернул ключи из замка зажигания, выскочил из машины, прошел несколько метров по гравию, дыша выхлопными газами, потом попытался достать сигарету из пачки, но не смог. Руки тряслись...

– Курва зварьована!

Совсем больная... Это же надо додуматься – выйти в лоб грузовику. Ненормальная, лечиться надо. До добра не доведет – то в губернатора стрелять собралась, то на встречную полосу нарочно вырулила. Лечиться надо.

Бросил измятую в пальцах сигарету на обочину дороги, сплюнул. Ну Збаражский, ну козел... Подсунул...

И что делать теперь?

Так ничего и не решив, граф Ежи направился к своей машине. Гравий хрустел под ногами, сердце немного улеглось, уже не стучало как сумасшедшее...

– Что с тобой?

Уткнувшись в руль, графиня Елена горько плакала.

– Что с тобой? Почему ты плачешь?

– Ты меня ударил...

Господи...

– Меня никто так не бил. Меня вообще никто не бил.

А может, и не помешало бы...

– Ну извини... Извини...

Елена продолжала всхлипывать.

– Почему ты так сделала? Тебе что, не хочется жить?

– А зачем?

Вопрос этот, простой и бесхитростный, поставил графа Ежи Комаровского в совершеннейший тупик. Он просто не знал, что на него ответить, и сам не задавался никогда подобным вопросом.

Вопрос этот, с его точки зрения, был безумен сам по себе, он просто не имел права на существование. Как это: зачем жить? Человек просто живет. Он живет, чтобы исполнить свой долг, чтобы продолжить свой род, чтобы принести пользу окружающим и Отечеству своему. Да и в жизни есть немало чего интересного помимо Отечества и долга, стоит только глаза пошире раскрыть. Да, есть люди, которые кончают с собой, есть те, кто упорно ищет смысл жизни, считая, что в смысле этом кроется какая-то непостижимая тайна. Граф Ежи считал таких людей опасными идиотами, смущающими других людей своим бредом.

Но вопрос был задан, и ему надо было что-то ответить. А отвечать не хотелось.

– Подвинься, – нарочито грубо, стараясь скрыть свои чувства, процедил он. – Скажи, куда тебя отвезти?

– Поехали на мост.

На какой – уточнять не стоило...

Движение на мосту, несмотря на то что уже наступила ночь, ночь летняя, светлая и обманчивая, ничуть не ослабело. Для графа, привычного к петербургской жизни, это было дико. В Санкт-Петербурге до сих пор по ночам разводили мосты. Несмотря на множество проек-

тов, под Невой так и не построили тоннель. Видимо, берегли своеобразие этого удивительного города, русской столицы. Поэтому в Питере по ночам не принято было ездить на автомобиле и вообще находиться на улице. Разве что прогуляться по набережной Невы, проехать на неспешном речном трамвайчике, ходящем и ночью, почитать Пушкина, Лермонтова, Есенина... Летом в Санкт-Петербурге были удивительные ночи, видно все, как днем. А тут... ночь, а поток машин по набережной – с моста этот поток казался этакой блестящей, фосфоресцирующей желтой змеей, не имеющей ни начала ни конца, – стал едва ли не больше, чем днем... Где-то в районе Маршалковской в небо били светящиеся столбы прожекторов – один из ночных клубов именно так привлекал посетителей.

Подняв тент и заперев свою натерпевшуюся за этот день машину, граф неспешно пошел вслед за дамой сердца, которая уже взбиралась по довольно узкой стальной лестнице. Мало кто знал про эту смотровую площадку чуть ли не в сотне метров над неспешно текущей Вислой. Да и забираться туда было нелегко.

На мгновение мелькнула мысль, что у прекрасной и необузданной пани хватит ума броситься оттуда в Вислу, поэтому граф поднажал, догоняя ее. Но не успел – она уже забралась на площадку и сейчас задумчиво смотрела куда-то вдаль.

– Здорово здесь, правда? – мечтательно выдохнула она.

Граф Ежи никак не мог понять – когда она бывает нормальной, а когда ей в голову взбредают всякие безумства...

– Здесь холодно...

Граф снял свой китель, набросил на плечи девушки. Та не пошевелилась – она стояла, словно статуя.

– Что ты там видишь, вдали?

– Там? Жизнь...

Граф решил, что настало время действовать, но форсировать события не торопился. Для начала достаточно просто обнять, что он и сделал.

– Не надо... – сказала девушка.

– Почему же?..

– Потому, что будет больно.

– Кому?

– Тебе. Мне. Мне, наверное, больнее.

– Почему? Ты равнодушна к этому...

– Глупец.

По тону, каким сказаны были эти слова, граф понял, что он и в самом деле полный глупец.

– Тогда почему?

– Потому что у нас нет будущего.

– Будущее творим мы сами. – Граф искренне так считал, и сложно было найти русского, который считал бы по-другому.

– Ну вот. Ты говоришь как москаль.

– Господи... Ты можешь раз и навсегда забыть это слово! – Комаровский по-настоящему разозлился: москаль! – Что это слово означает?! Какой смысл в нем заложен?! Какую Польшу ты хочешь? Чего ты добиваешься? Свободы? Кто из нас не свободен? Ты или я? По-моему, больше ты, у тебя в голове полно всяких глупостей, и от них ты не свободна! Не москали делают тебя несвободной – ты сама делаешь себя несвободной! Черт бы тебя побрал!

Граф Ежи отошел в самый угол смотровой площадки, на которой в этот час никого не было. На сей раз прикурить удалось. Так он и курил, сбрасывая пепел в текущую метрах в ста ниже воду, пока не почувствовал легкое прикосновение.

– Извини...

Граф не обернулся.

– Ну извини... Правда... я не хотела.

– Я москаль.

– Ты... хороший, правда...

Йезус Мария...

Поцелуй был просто ошеломляющим – иного слова не подберешь...

Парой часов позже, когда была уже глубокая ночь, граф Ежи подъехал к одной из высоток в районе Мокотув – там жила его дама сердца. Елена спала на сиденье...

– Елена...

В ответ раздалось только сопение...

Делать нечего – граф осторожно освободил ее от ремней безопасности, подхватил на руки...

– Как приятно...

– Ты не спала?!

– Конечно, нет.

Вот чертовка...

– Куда я должен доставить шановну пани?

– Шестой этаж. Апартаменты номер восемнадцать...

Скоро сказка сказывается, а дело делается еще скорее...

У самой двери граф осторожно поставил даму на пол.

– Честь имею, сударыня...

Графиня Елена раздосадованно покачала головой.

– Все москали такие идиоты или только ты?

– Сударыня?

– Я что, сама должна приглашать тебя на чашку чая?

Вы бы отказались? Вот-вот. И я тоже – нет. А молодому графу Ежи Комаровскому, после всего им пережитого за день, и вовсе отказываться было бы глупо.

9 июня 2002 года Вашингтон, округ Колумбия

Времена Шерлока Холмса ушли в прошлое. Безвозвратно.

Сложно даже представить, какими возможностями обладают полицейские следователи в начале двадцать первого века. Что там отпечатки пальцев, что там простенькие экспертизы середины века! А например, тотальное слежение с помощью сети камер, не хотите? Или экспертиза, в ходе которой всего по паре клеток устанавливают примерное описание подозреваемого. Бывало, конечно, всякое – так, в некоторых подразделениях ФБР, занимавшихся пропавшими детьми и маньяками, в штат взяли экстрасенсов. Но в основном движение шло в правильном направлении, и для хитрого преступника оставалось все меньше и меньше лазеек.

А для облеченного властью?

Весь остаток дня лейтенант Мантино был сам не свой – и это еще мягко сказано. После того как прошла информация о гибели в автомобильной катастрофе заместителя госсекретаря САСШ – все как с цепи сорвались. Почти сразу прибыли три машины с сотрудниками ФБР – они квартировали совсем рядом, в Баззард Пойнтс, – и ринулись на вызов сразу же, прихватив с собой мобильную лабораторию. Как известно любому офицеру правоохранительных органов САСШ, агенты ФБР – «социальные животные»¹⁰, и в этом их сила. Но Мантино, как и подобает потомственному полицейскому офицеру – его отец дослужился в полиции до капитана¹¹, а дед был шерифом в небольшом городке в Калифорнии, – относился к агентам ФБР с плохо скрываемым презрением. Ну и что – вот приехали они на трех машинах, всех опросили, лазали зачем-то по склону, по которому уже, считай, стадо слонов прошло, сняли почти всю кору с бедного дерева, и так покалеченного врезавшимся в него «Кадиллаком». Весь улов – объявление в розыск синего автомобиля с повреждениями на левом борту. Экспресс-анализ частичек синей краски, найденных на борту черного «Кадиллака», в мобильной лаборатории показал, что это довольно распространенная краска «Итальянский синий», используемая всеми четырьмя основными автопроизводителями САСШ¹². То есть этот анализ не дал почти ничего, розыск автомобиля тоже вряд ли бы принес результат – по мнению лейтенанта Мантино, его уже давно угнали и разобрали на запасные части (в этом он был прав, но не совсем – машину только перекрасили и перебили номера).

Следом прибыли представители Госдепартамента – эти только совали всюду свои любопытные носы и пытались командовать профессионалами. Своей настырностью они довели даже агентов ФБР до того, что старший группы приказал им убираться за линию оцепления, если они не хотят провести ночь в участке.

Следом навалилась бумажная волокита. Лейтенант Мантино как старший из детективов, которые первыми обнаружили место автомобильной аварии, вместо того чтобы заниматься охраной закона, был вынужден поехать в участок и заполнить три большие бумаги. На это, считая дорогу, у него ушло не меньше двух часов – а тут уже и рабочий день кончился...

Ночью лейтенант спал плохо – мешали одолевавшие его мысли. Он не мог понять, что ему не понравилось на месте происшествия. Лейтенант был опытным полицейским: он начинал патрульным, потом пошел в академию, стал детективом третьего класса и так, ступенька за ступенькой, прошел всю карьерную лестницу, прежде чем стать лейтенантом и начальником детективов. Он отправил на электрический стул шестерых злодеев и даже был награжден –

¹⁰ **Social animal** – распространенное в английском языке выражение; социальное животное – то есть компанейский, испытывающий нужду в общении человек.

¹¹ Это высокое звание соответствует начальнику РОВД.

¹² В этом мире American motorgs не обанкротилась.

за поимку одного... существа, охотившегося на маленьких мальчиков. Он видел то, на что не обращают внимания девяносто девять из ста обычных граждан, – и именно за это он получал свое жалованье. И тут он на что-то обратил внимание – но пока не мог понять, на что именно.

Понял он это только к утру...

Утром он первым делом отправился в офис «Додсон Секьюрити». Это была частная фирма, которую основал непонятно кто и которая заполучила чертовски выгодный подряд. За государственный счет эта фирма установила на улицах сотни камер наружного наблюдения и получала от государства деньги за их обслуживание. Потом кто-то в мэрии смекнул, что этой фирме можно отдать и подряд на установку автоматических измерителей скорости на дорогах. Все просто, без полицейских и взяток – ты едешь по дороге со скоростью, превышающей разрешенную, камера тебя фотографирует, и через несколько дней тебе по почте приходит фотография и квитанция на уплату штрафа. Хочешь обжаловать – твое право, обращайся в суд. Но почти все – платили.

Основной офис «Додсон Секьюрити» располагался в довольно дорогом пригороде Вашингтона – в Арлингтоне и представлял собой обычное пятиэтажное офисное здание, обнесенное забором, на котором были установлены видеокамеры. На воротах был знак – треугольник и око, почти точная копия масонского знака. Лейтенант этого не знал, он просто подъехал к закрытым воротам, посигналил, и полотно ворот плавно поехало в сторону, пропуская его на стоянку...

Вид холла офисного здания заставил лейтенанта покачать головой от зависти – микрофибра, дорогие обои, какая-то инсталляция в углу. Приглушенный свет из утопленных в потолок ламп. Было видно, что фирма не бедствует – и все за государственный счет. В их полицейском участке даже у него, лейтенанта, был деревянный стул и небольшой грубо сделанный стол, которые изготовили заключенные федеральной тюрьмы.

В одной из стен открылась почти невидимая дверь – и в холл шагнул молодой человек в строгом черном костюме.

– Меня зовут Ник. Чем я могу вам помочь, сэр? – заученно произнес он.

– Лейтенант полиции Рикардо Мантино. – Лейтенант привычно продемонстрировал бляху. – Мне нужны кое-какие данные с видеокамер на дорогах. Я думаю, что они у вас имеются.

– Сэр, у вас есть ордер или что-то в этом роде?

Лейтенант улыбнулся.

– Сынок, ордера у меня нет. Но зато у меня хорошие отношения с бюджетным управлением мэрии, и я лично знаю одного из заместителей мэра. Думаю, это заменит ордер. Позови кого-нибудь из старших, они тебе объяснят.

Заданная лейтенантом задача для привратника была почти неразрешимой...

– Сэр, прошу подождать здесь, – привратник показал рукой на удобные кресла в углу холла, разделенные журнальным столиком.

– Я подожду. Но недолго.

На столике лежал свежий выпуск «Уолл Стрит Джорнал» – ему лейтенант не уделил ни малейшего внимания – и свежий номер «Коп магазин» – а вот это чтиво было в самый раз. Видимо, компанию посещали самые разные люди, и отдел внешнего пиара – не стоило сомневаться, что он здесь есть, – продумывал все до мельчайших подробностей. Подкрепился лейтенант и свежавыжатым апельсиновым соком, стоящим здесь же в большом хрустальном графине. День обещал быть жарким, и сок был в самый раз. Перед тем как выпить, лейтенант жизнерадостно отсалютовал бокалом уставившейся на него видеокамере.

Ожидать пришлось минут пятнадцать – зато ожидание было вознаграждено. Снова бесшумно открылась замаскированная в стене дверь, и в холл шагнули сразу двое. Уже знакомый привратник и очаровательная дама лет тридцати в строгом сером костюме.

– Сэр, меня зовут Джейн, – тем же заученно-любезным тоном сказала она, – прошу следовать за мной.

– За вами – хоть на край света...

Лейтенант хотел вызвать ответную реакцию – в Вашингтоне было полно лесбиянок и еще больше феминисток, и, по его мнению, эта дама как раз относилась к одной из этих категорий. Но никакой реакции не последовало, дама продолжала улыбаться, как кукла Барби в витрине дорогого магазина.

Поняв, что для шуток здесь нет места, лейтенант пошел за очаровательной проводницей.

Коридоры офисного здания, в котором квартировала «Додсон Секьюрити», были не такими шикарными отделанными, как холл, – но все-таки чистыми и опрятными. Это, кстати, типично в духе частных фирм – шикарный фронт-офис и экономия на бэк-офисе. Экономия, экономия и еще раз экономия...

– Я так понимаю, что мне предоставят данные...

Дама даже не сбилась с ноги.

– Да, сэр. Нам нужно было просто удостовериться в том, что вы тот, за кого себя выдаете. Мы сотрудничаем с полицией...

– Рад это слышать... – проворчал лейтенант.

Народ стал другим – основные изменения произошли в семидесятые и восьмидесятые. В старые добрые времена, если ты показывал бляху, то любой законопослушный североамериканец отвечал: «Да, сэр, чем я могу помочь вам, сэр?» Сейчас же ты предъявлял бляху – и законопослушный североамериканец спрашивал: «А у вас есть ордер или что-то в этом роде?» – и хватался за трубку мобильного, чтобы позвонить своему адвокату. По мнению лейтенанта, виноваты в этом были фильмы и передачи по телевидению – там полицейских как только не поливали грязью, называли садистами и бандитами.

Но они все равно работали...

– Прошу сюда, сэр...

В кабинете, в который они зашли, на одной стене был большой монитор на восемьдесят один дюйм, а вся другая стена представляла собой своего рода фасеточный глаз, с пятьюдесятью или шестьюдесятью мониторами меньшего размера. Здесь же было несколько выдвижных столиков с клавиатурами, а хозяйничал здесь некий молодой человек, лихо разрезавший по кабинету на стуле с колесиками. Волосы его были покрашены в фиолетовый цвет, а в ухе вызывающе раскачивалось большое кольцо.

– Том, это лейтенант Мантино, – представила лейтенанта дама, – постарайся вести себя с ним повежливее.

Лейтенант был опытным человеком и в голосе приведшей его в комнату дамы уловил еще кое-что помимо обычной вежливости. Несмотря на богатое воображение, лейтенант просто не мог представить себе парой эту дамочку в деловом костюме и этого панка. Впрочем, женщины – странные существа, и лейтенант, прошедший в позапрошлом году через развод, решительно отказывался их понимать.

– Все о'кей, Марси... – жизнерадостно ответил панк.

– Тогда оставляю вас наедине...

Лейтенант глубоко вдохнул кондиционированный воздух – здесь, в царстве компьютеров, особенно сухой. У него была двойная проблема – он не дружил с компьютерами и понятия не имел, как ему вести себя с этим молодым человеком. В семье лейтенанта было два сына – мало, по итальянским меркам, и, если бы хоть один из них заявился в дом в таком виде, не миновать бы ему взбучки.

– Сэр, меня зовут Том. Или Томас Крилл Третий, но я все-таки предпочитаю Том. А вы, лейтенант...

– Рикардо. Но все зовут Рики.

– Великолепно. Итак, полиции потребовалась помощь Тома. В чем же она должна заключаться?

– Э... мне надо посмотреть записи с камер.

– С камер? Городских?

– Нет. На дороге. Там ведь есть камеры.

Том улыбнулся.

– Нет. Там нет камер. Там есть устройства, записывающие автомобили и регистрирующие их номера – но только те, которые превышают скорость. Сейчас я бьюсь над тем, чтобы система одновременно отслеживала номера и сверяла их с базой данных на угнанный транспорт, но пока мне не хватает мощности системы. Вернее, пока не так – я хочу добиться того, чтобы, если система регистрирует превышение скорости, она одновременно сверяла бы полученный номер с базой данных на угнанный транспорт и, если номера совпадают, била бы тревогу. А сравнение базы данных по всему транспортному потоку с базой угнанных автомобилей – это дело далекого будущего, для этого нужен компьютер на порядок более мощный, чем тот, что есть у меня. Неплохо было бы закупить «Крей», но на это никто не выделит деньги. Вы понимаете меня, сэр?

Лейтенант ни черта не понял. Но признаваться в этом ему не хотелось.

– Э... извини, сынок, но это редко будет срабатывать. Угонщик может просто снять номер и заменить его другим, они часто так делают.

Панк задумался всего лишь на несколько секунд.

– Тогда поступим по-другому, сэр! В базе данных есть не только данные по номерам, но и по марке машины. Сделаем дополнительную подпроверку и будем сверять номера, обнаруженные компьютером, и соответствие марки. Для этого, конечно, нужно произвести... распознавание моделей машин, хотя бы примитивное... но я это сделаю! Правда, для этого потребуется еще больше мощности. Но все равно сделаю!

Лейтенанту вдруг пришло в голову, что слова пацана действительно имеют смысл – возможно, он и сам не догадывается, какой именно. То, что он предлагает, позволит лишить преступников «колес» – а это очень важно. Ведь дело не исчерпывается одними лишь угонами. Предположим, несколько парней решили ограбить банк. Что они сделают? Им нужны будут «колеса», автомобиль, чтобы сматываться с места преступления. Они его угонят и сменят номера – на пару дней этого бывает достаточно, а больше им и не надо. Но если система даст сигнал тревоги – то можно будет направить полицейский автомобиль и проверить подозрительную машину, прежде чем она достигнет банка. Да, они будут считать, что это простой угон, возможно, патрульный полицейский не будет готов к тому, чтобы столкнуться в проверяемой машине с командой грабителей банков, вооруженной обрезками и автоматическим оружием. Но это же их работа, не так ли?! Возможно, патрульный погибнет – но он предотвратит ограбление банка и не погибнет какой-нибудь бедняга, просто зашедший в банк обналичить чек. Кроме того, операцию по задержанию подозрительного фургона тоже можно организовать как следует – и никто не погибнет, кроме, возможно, самих несостоявшихся грабителей. Угнанным транспортом пользуются идущие на дело наемные убийцы, могут воспользоваться и террористы.

Дельные мысли, дельные. Так у бедных копов и работы не останется. Хотя нет, работы-то как раз прибавится: проверять подозрительных. А потом плохие парни поймут, что в Вашингтоне надо вести себя прилично.

– Знаешь, сынок... Я упомяну о тебе в рапорте. Не знаю, поможет ли тебе это, но упомяну. А теперь давай посмотрим кое-что. Ты говоришь, что система фиксирует только нарушителей, превышающих скорость?

– Совершенно верно.

– Хорошо. Тогда проверь, не выписывался ли штраф на парня, ездившего на автомобиле с номерами Вашингтон, браво-один-три-четыре-виски-зулу. Это должно было происходить вчера, примерно в полдень.

– Есть, сэр!

Лихо, по-армейски ответив, панк прокатился по кабинету на своем стуле, лихо развернулся, застучал пальцами по клавиатуре, напевая что-то себе под нос. На большом экране замелькали какие-то фотографии.

– Та-а-ак... Есть! Было, сэр!

– Где? Когда?

– Сейчас... Вот! Его засекли сразу четыре камеры, но штраф мы можем выписать только один, извините.

– Не извиняйся! Где и когда это было?!

– На Кастис Мемориал. Вчера, первая засечка в тринадцать ноль две.

– Где?

– Вот здесь, сэр, – панк вызвал на экран карту, пощелкал клавишами, и на силуэте дороги загорелись сразу четыре точки.

– Вот оно как...

Лейтенант задумался. Если заместитель госсекретаря гнал по Кастис Мемориал как сумасшедший, то следует предположить, что он так гнал все время, пока ехал по трассе. Это значит, что он выехал туда недалеко от того места, где была первая засечка.

– Э... а где находилась первая камера?

– Вот она, сэр.

– Ты не понял, Том. Вот у нас первая камера, где произошла засечка, – система опознала номер и выписала штраф за превышение скорости. А я хочу знать, где стоит камера, которая установлена перед той, первой.

– Вот здесь, сэр.

Лейтенант примерно прикинул. Между этой камерой и первой, которая выписала штраф, была только одна большая дорога – Норт Глеб Род. Значит, с большой долей вероятности погибший ехал именно отсюда – съехал на трассу и погнал как сумасшедший. Интересно, куда он так торопился, – ведь его должность, пусть и высокая, не освобождала от обязанности уплатить штраф за превышение установленного скоростного режима.

Все? Нет, не все...

– Э... Том, а можно еще один вопрос?

– Конечно, сэр.

– А вы... отслеживаете и полицейские машины?

Том улыбнулся.

– Вообще-то нет, сэр, но... Видите ли, у нас есть список полицейских автомобилей. Для простоты сделано так – камера отслеживает и их тоже, делает снимок, выписывает квитанцию, но уже потом, на отсылке, ее сверяют со списком и, если это полицейская машина, квитанцию просто отправляют в мусорную корзину. Видите ли...

– Нормально, сынок. Не надо больше объяснений. Проверь еще одну машину. Вашингтон, дельта-один-один-семь-альфа-виски. То же самое время. На нее есть что-нибудь?

– Сейчас, сэр... посмотрим... есть! Да еще как!..

– Где? Когда?

– Пять засветок. Та же Кастис Мемориал, а начались они еще в Арлингтоне.

– Когда?

– Первая – двенадцать пятьдесят две, последняя – тринадцать семнадцать.

– Точно? Ты уверен?

– Уверен, сэр.

– Распечатку мне сделать сможешь?

– Конечно, сэр. Одну минуту...

Почти бесшумно заработал новомодный лазерный принтер, выплевывая листки в лоток-держатель.

– Вот так вот... все.

– Спасибо, сынок...

Уже на стоянке лейтенант Мантино еще раз достал из кармана распечатки, еще раз взглянул. Сверил время...

– Ну и куда же ты так спешил, детектив Мюллер? – тихо, одними губами проговорил лейтенант...

Примерно через десять минут после того, как автомобиль лейтенанта вырулил за ворота, к воротам «Додсон Секьюрити» подрулила еще одна машина – черный «Крайслер 300». Двое мужчин – неприметных, в черных очках, быстро прошли в здание – в отличие от шефа полицейских детективов, им не пришлось ждать, и Марси встретила их сразу.

Том, воспользовавшись минуткой затишья, решил перекусить, когда в кабинет сразу вошли Марси и эти двое. Они были здесь уже не раз, и Том звал их «мистер Бим и мистер Бом».

– Что на этот раз?

– Нам нужны данные по движению на Кастис Мемориал вчера, примерно в полдень. Все данные.

– Опять?

Том получил истинное наслаждение от того, как эти двое переглянулись. Он не раз пытался вывести их на эмоции, как он это делал со всеми людьми, кто к нему приходил, – и это ему не удавалось. А вот сейчас он с наслаждением видел и наблюдал – получилось! Совсем неожиданно – получилось!

– Что вы хотите этим сказать, сэр? – вежливо спросил мистер Бом.

– А то, что ко мне только что приходил полицейский лейтенант. За теми же данными. И я их ему дал...

Мистер Бим повернулся к девушке.

– Мисс Марси?

– Лейтенант Рикардо Мантино из полицейского управления округа Колумбии. Восемнадцатый участок, начальник детективов.

– Вы его впустили?

– Сэр, мы работаем с полицией и не могли его не впустить.

– Какие данные он забрал?

– Его интересовали две машины, – злорадно произнес Том, – номера Вашингтон, браво-один-три-четыре-виски-зулу и Вашингтон, дельта-один-один-семь-альфа-виски.

Том заметил, что если первый номер не вызвал особых эмоций, то при произнесении второго мистер Бом побледнел.

– Вы дали ему данные?

– Нет, сэр.

– Заверенные?

– Нет, сэр, просто распечатку из системы.

Мистер Бом – он был старшим – повернулся к мистеру Биму.

– Сообщил!

– Есть!

Мистер Бим покинул комнату.

– Вот что. Нам нужен массив данных, как раз тот, что по Кастис Мемориал. Прямо сейчас.

И нам нужны данные с ваших мониторов слежения по этому лейтенанту полиции.

– Хорошо, сэр... – кивнула Марси.

В отличие от полицейских, у сотрудников АНБ доступ в этом здании был всюду, и Марси это знала. Потому что фирма «Додсон Секьюрити» как раз и была незаконным филиалом АНБ, осуществляющим слежку за североамериканскими гражданами – пока в ограниченном масштабе. Но все было готово и для более масштабных проектов – и Том мог рассчитывать на новенький «Крей» в любом случае. Хотя пока он и сам не знал об этом.

Ближе к вечеру лейтенант Мантино заметил за собой слежку. Отрываться не стал...

Картинки из прошлого Лето 2000 года Герат, Афганистан

Располагающийся на стыке трех границ – Афганистана, Персии и принадлежащего Российской империи Туркестана – город Герат не мог не стать крупным центром торговли. В Российской империи он бы еще стал крупным производственным центром, рассчитанным на нужды соседней страны, но в Афганистане этого не произошло. В Афганистане вообще не производилось ничего, что заинтересовало бы соседние страны, за исключением одного. Белой смерти. Героина.

Но Герат, как можно было того ожидать, не стал крупным центром торговли героином. Дело заключалось в том, что здесь невыгодно было его транспортировать. Если смотреть на эту часть Афганистана, то путей транспортировки открывалось два: на Персию и на Туркестан. При этом в Персии человека, пойманного с героином, ждали незаконные пытки, чтобы узнать сообщников, – а потом обезглавливание, если наркоторговец до этого не умирал от пыток. В Туркестане на границе стояли русские войска, и тех, кто не был убит в скоротечном бою в пограничной зоне, ждало двадцать пять лет каторги. Поэтому желающих испытать судьбу находилось немного. Играло свою роль и то, что в этой местности шиитов, приверженцев «течения изгоев» в исламе, было намного больше, чем в среднем по стране – сказывалась близость Персии, мирового центра шиизма. Король Гази-шах, наполовину пуштун, наполовину хазарец, да к тому же и суннит, знал это – и демонстративно притеснял северо-западные провинции Афганистана в угоду югу и востоку, населенному пуштунами. Армия Афганистана, слабая и жестокая, целиком держалась на пуштунах, и, если бы король посмел вести какую-то другую политику, на своем троне он продержался бы недолго. Поэтому основные центры производства и оптовой торговли наркотиками были в Кабуле, Кандагаре и Джелалабаде, а в последнем держал ставку Джелалабадский синдикат, возглавляемый губернатором провинции и братом короля¹³, принцем Акмалем. Это была своеобразная семейная монополия – старший брат являлся легальной властью, а младший – нелегальной, причем младший совсем не стремился сбросить с трона старшего брата и объединить две власти в одну. Ему это совершенно не требовалось. Так и существовал в стране «семейный подряд» – травивший своим товаром русских, китайцев, японцев¹⁴...

Поэтому город Герат был довольно примитивен, его совершенно не коснулась длань нового времени, длань двадцать первого века, что возвела новые кварталы в Джелалабаде и Кабуле, отстроенные на наркоденьгах. Он оставался все тем же крупным, застывшим в безвременье афганским городом – с вылепленными из глины лачугами, с дувалами, с пылью и грязью, с богатыми домами, которые не смели подняться над землей больше, чем на один этаж, и растягивались вширь. Что было примечательного в Герате – так это четыре минарета, древние, оставшиеся стоять вокруг давно разрушенной мечети, большая мечеть Маджид Джами и самая настоящая древняя крепость, построенная Искандером Двурогим – Александром Македонским, одним из военачальников, которому удалось реально покорить Афганистан за счет уничтожения большей части его жителей. Иначе покорить Афганистан было невозможно.

¹³ Существует и в нашем мире. Возглавляется братом президента Хамида Карзая – Ахмедом Карзаем. Так что войска НАТО, находящиеся в стране, крышуют наркомафию. – *Прим. автора.*

¹⁴ Одной из мер, позволяющей Японской империи держать в повиновении гораздо более многочисленные народы, была наркотизация населения. Сами же японцы если и употребляли наркотики, то осторожно, потому что японца-наркомана ждала смертная казнь. Большая часть наркотиков уходила в Китай, но и в Россию просачивалось достаточно, чтобы оправдать принятие жестких мер.

...В один из душных и знойных летних дней в терзаемый беспощадными солнечными лучами Герат въехали две машины. Они въехали в него с севера, по дороге, идущей со стороны Персии, переправившись через реку Джуйк-Нау и заплатив на мосту пошлину, собираемую гвардейцами местного губернатора. Местный губернатор, достопочтенный Ага-хан не был столь богат, как принц Акмаль, губернатор провинции Нангархар, ему не преподносили большие чемоданы с золотыми слитками наркоторговцы – в Афганистане золото было самой надежной валютой, если не считать русского рубля и британского фунта, – но жить, как и подобает жить губернатору, ему очень хотелось. Поэтому губернаторская гвардия в городе по-настоящему свирепствовала, обирая его жителей, накладывая драконовские штрафы по делу и не по делу, облагая платой проезд по мостам и даже продавая воду¹⁵. В отличие от принца Акмаля, губернатор был вынужден покровительствовать хоть каким-то ремеслам, дабы иметь ту овцу, с которой можно содрать хоть шерсти клок. Поэтому гератские ковры пользовались известностью даже в Персии, мировом центре ковроткачества, – не говоря уже про Российскую и Британскую империи.

Вообще-то они могли бы проехать и без дани – машины были из тех, которыми пользовался губернатор и его двор: белые, с тонированными стеклами, дешевые и неубиваемые бронированные армейские внедорожники, выпускаемые в соседней Персии по лицензии. Вряд ли ошалевший от жары и выкуреного утром косяка с дурью усатый губернаторский гвардеец посмел бы стрелять по таким машинам – жизнь дороже, но они остановились сами, и из левого переднего окна головной машины высунулась рука, протянувшая гвардейцу три русских рубля. Это было больше, чем стоил проезд: по рублю с машины. Гвардеец принял деньги и сложил их в висевший на груди железный ящик с прорезью, открывающийся только ключом, который имелся лишь у начальника гвардии. Еще один гвардеец поднял шлагбаум. Дежурившие на мосту гвардейцы были настолько обкурены, что спроси их через минуту, кто здесь только что проезжал, ни один не смог бы ответить.

В городе автомобили сразу же выехали на одну из главных магистралей – Базар-и-Малик, пересекающую Герат с севера на юг и залитую неким подобием асфальта. Улица Базар-и-Ирак пересекала город в направлении «запад – восток». Здесь было то, что можно назвать «цивилизацией»: два караван-сарая, все дуканы, гостиница и бар, в котором подавалось спиртное и куда под страхом смерти запрещалось заходить всем, кроме губернатора с приближенными, гвардейцев и иностранцев. Здесь же неподалеку был большой (не такой большой, как в Джелалабаде) базар, где торговали коноплей, оружием, рабами и всем, что нужно для жизни.

Миновав казармы гвардейцев на пересечении Базар-и-Малик и Базар-и-Ирак, машины почти сразу свернули с дороги влево, запятели по узким, извилистым улочкам старого города, часто заканчивавшимся тупиком. Слава Аллаху, что нужный им дом находился совсем недалеко – иначе они заблудились бы в местном лабиринте улиц, а заблудиться тут можно было так, что потом и костей не найдут.

Целью тех, кто приехал на машинах, был довольно большой по местным меркам дом, обнесенный высоким, выше человеческого роста, дувалом. Ворота, которыми дувал прерывался в центре, были, как здесь это принято, зеленого цвета, но выгоревшими под безжалостным местным солнцем до бледно-серого.

Водитель головной машины не стал сигналить, опасаясь привлечь внимание к себе и к дому, – он просто вышел из машины, не глуша мотор, подошел к воротам, постучал в них условным стуком и, когда услышал по ту сторону ворот шорох, громко сказал:

– Аллах акбар!

¹⁵ По меркам ислама, брать плату за воду – чудовишно. Что не мешает делать это в самых разных уголках мира людям, считающим себя правыми.

Лязгнул засов, на улицу выглянул невысокий, бледный, в типичной пуштунской одежде подросток, который упорно пытался вырастить на своем подбородке что-то напоминающее бороду, но для этого еще не настало время. В руках у подростка был самый настоящий русский «АК», приклад которого он прижимал к боку локтем, чтобы в случае чего стрелять навскидку. Глаза подростка казались странно застывшими – как это бывает у системного, находящегося на грани наркомана. Хотя наркоманом он не был.

– Мохаммед расуль Аллах! – воскликнул подросток. – Кого ты привел с собой, брат?

– Он ждет, – туманно ответил водитель.

Странно, но подростка такой ответ вполне устроил. Он кивнул и, скрывшись за воротами, начал возиться с массивным засовом. Водитель вернулся в машину.

– Куда вы меня привезли, черт возьми?! – раздраженно спросил командир второго корпуса Специальных сил безопасности – этакой эрзац-армии, по документам проходящей как жандармерия, – генерал-майор Хусейн Камияб по прозвищу Бык – здоровенный двухметровый малый с роскошными усами. – Поверить не могу, что я поперся с вами в эту глушь, Вахид. Просто не могу поверить!

– Неисповедимы пути Аллаха, – загадочно ответил начальник штаба второго корпуса жандармерии Вахид Ахлагги. – Поверьте, господин генерал, вы не пожалеете о своем решении.

– Черт, я о нем уже жалею.

Как почти все генералы, Хусейн Камияб хоть и родился в набожной, почитающей аллаха семье, но сейчас он был неверующим. Причем – открыто неверующим. Шахиншах умел подбирать себе кадры – он подбирал как раз из таких, кому дорога в рай, по меркам ислама, была заказана. В шестнадцать лет юный Хусейн изнасиловал Самию, пятнадцатилетнюю соседскую девчонку. Вернее, изнасилованием это стало считаться потом, когда все вскрылось, – чтобы спасти честь семьи девушки, и так замаранную. Отец девушки поклялся собственными руками отрезать голову негодяю, в течение года развращавшему его дочь, – и Хусейн был вынужден скрываться. Он скрывался два с лишним года, пока не грянула Белая Революция и пока шахиншахом не стал Хоссейни. Тогда-то он, сообразив, что это его единственный шанс, записался во вновь создаваемую Гвардию Бессмертных. Старую разогнали, потому что в ней могли быть заговорщики и сторонники свергнутого шаха. Потом в числе прочих новый шахиншах послал Хусейна учиться в Российскую империю, в одно из пехотных военных училищ.

Вернувшись, тогда еще старший лейтенант Камияб стал довольно быстро продвигаться по служебной лестнице. Сказывалось военное образование, полученное в России, и личная преданность режиму. Но для того, чтобы стать генералом и командующим корпусом, этого мало.

Звездный час генерала Камияба настал четыре года назад – когда было предотвращено одно из самых опасных покушений на Светлейшего. Взбунтоваться вознамерилась целая воинская часть – планировалось напасть на новый химический завод, который должен был открывать Светлейший, окружить его бронетехникой и пристрелить шахиншаха. Майор Камияб узнал об этом случайно – один из офицеров проболтался – и немедленно донес в САВАК. САВАК провел проверку, все сказанное майором подтвердилось. Офицеров части казнили – бросили живьем в чан с кислотой на заводе, который они собирались уничтожить, а Камияб был удостоен беседы с самим Светлейшим. Из Голубого дворца майор Камияб вышел уже генерал-лейтенантом и командующим вторым корпусом, а больше командовать было некому: офицеров-то утопили в кислоте.

Тогда же Камияб отомстил. Он долго опасался мстить, потому что не знал, как на это отреагирует САВАК. В САВАК было известно все о его прошлом – в САВАК знали о прошлом любого подданного шахиншаха, но ничего не предпринимали по этому поводу, справедливо полагая, что с таким прошлым человек будет еще вернее служить режиму. Отец же «опозорен-

ной» девушки ничего не предпринимал, потому что знал: за умышленное убийство офицера жандармерии по соображениям мести полагалась смертная казнь для всей семьи.

Отомстить удалось не сразу – Камияб долго подбирал офицерский корпус для обезглавленной части. Он знал, что, если произойдет еще один заговор, в кислоту бросят уже его, поскольку не заметил, не понял, не предотвратил. И поэтому офицеров он подбирал очень осторожно, до ночи сидел над личными делами, проводил тайные проверки – во время них выявились еще два предателя, достойные смерти. Восстановление части как боевой единицы заняло почти год, но потом Камияб отомстил. Мечь – это вообще такое блюдо, которое вкуснее есть холодным.

Для генерала жандармерии это оказалось несложным делом. Его люди схватили нескольких бунтовщиков в Исфахане, и генерал во время допроса намекнул одному из них, что есть возможность избежать виселицы. Для разных категорий преступников в Персии существовала разная смертная казнь – позорящая, через повешенье¹⁶, и достойная, через расстрел (для офицеров) или обезглавливание мечом (для простолюдинов). Иногда через гильотинирование – мечей не хватало, равно как палачей, умеющих казнить таким образом. И вот генерал сказал: «Я могу отправить тебя на гильотину, только ты должен выдать еще одного сообщника. Ты не говорил про него, опасаясь за свою семью, но мы все знаем, и, выдав преступника, ты обеспечишь себе достойную смерть». – И назвал имя отца девушки, которую он обесчестил в юные годы.

Дальше все было просто. Удивительно, но старый Камиль и в самом деле оказался заговорщиком. Когда жандармы ворвались и обыскали его дом, вместе с ними был один из самых доверенных людей генерала, полковник Вахид Ахлаг, следы преступления были налицо. Та же самая возмутительная литература, которую держал в кармане кителя полковник Ахлаг, чтобы в нужный момент подсунуть ее, – так вот та же самая литература была найдена при обыске! Получается, что генерал не изменил присяге и не поставил свои личные интересы выше интересов государственных, а помог изобличить еще одного преступника и предателя.

Тогда же генерал Камияб в последний раз видел Самию. Постаревшая и подурневшая, никому не нужная... Генерал потом не мог поверить, что испытывал к ней какие-то чувства, мучался от того, что их разлучили.

Став генералом, Хусейн Камияб вошел в персидский привилегированный класс – армию. Армия и Служба безопасности в Персии определяли очень многое, если не все, – и частный бизнес, показательно свободный, на самом деле был глубоко несвободен. Существовала практика, при которой чины из силовых структур делали купцами своих родственников и вели коммерческие дела через них. А было и такое, что формально деловыми людьми, владельцами предприятий являлись свободные люди, но львиную долю дохода они были вынуждены каждый месяц жертвовать в тот или иной фонд. У каждой силовой структуры, у каждого корпуса жандармерии, у Гвардии Бессмертных были свои фонды для «сбора пожертвований», потом расходившиеся по рукам «допущенных». «Допущенным» стал и генерал Камияб, отныне он мог не опасаться руки мстителя, но все равно жил в глубоком страхе. В страхе перед неугасимым пламенем адского костра, в котором корчатся грешники.

Это сложно объяснить, мало кто поймет это сразу. Особенно трудно это понять в России. Несмотря на власть и влияние Русской православной церкви и Духовного управления мусульман, за редким исключением дети в России получали светское образование. Да, мусульманские дети ходили с родителями в мечеть в пятницу, а русские дети ходили с родителями в церковь в воскресенье, но в будние дни они ходили в гимназию, чтобы читать стихи Пушкина и Лермон-

¹⁶ Для мусульманина смертная казнь через повешение недопустима. Согласно нормам ислама, во время смерти горло должно быть свободно, ибо через него исходит из тела душа, устремляющаяся к Аллаху. Если же горло несвободно, то душа находит другой путь, и понятно, что Аллах не пожелает видеть душу, измазанную, простите, в дерьме.

това, учиться доказывать теоремы и зубрить закон Ома. Поэтому в вышедших из стен гимназии детях не было страха божьего. Да, они верили в нечто сверхъестественное, они знали, что такое грех, и старались не грешить, они жертвовали на богоугодные дела и отмечали религиозные праздники. Они приходили к батюшке или к мулле, когда им было тяжело, и просили совета или утешения. Но страха, не покидающего человека никогда, в них не было.

А вот в Персии этот страх был, как был и во всех странах, где вместо гимназий дети учились в медресе. Вот почему, придя на Восток, русская власть так боролась за то, чтобы дети ходили в гимназии, а не в медресе. В Персии такая борьба началась лишь при шахиншахе Хоссейни, причем полного успеха не удалось добиться до сих пор. А генерал Камияб и вовсе был из того поколения, которое ходило в медресе поголовно – это было выгодно власти, потому что религиозное образование учит покорности и страху. Глупо полагать, что в медресе детей учат темные люди, которые сами нуждаются хотя бы в минимальном учении. На самом деле там учат профессионалы, технология обучения отшлифована веками, и то, что они преподают, остается с детьми навсегда. Вот и генерал Камияб жил бок о бок со своим страхом, оставшимся в нем еще со времен медресе. И сейчас душа его была разорвана на две части – одна из них буквально вопила о возмездии, ожидавшем генерала после смерти, вторая – старалась подавить страх, загнать его в самые темные уголки подсознания.

Вторая явно проигрывала.

Утешением генерала и стал полковник Вахид Ахлагги. Как-то странно, незаметно он стал генералу самым близким, самым доверенным лицом – и немало вечеров было проведено ими вместе, за бутылкой русской водки и в тяжелых разговорах. Сначала это были разговоры о службе, о страхе, о заговорах и тайных врагах. Потом это стали разговоры о жизни. А потом – разговоры об Аллахе, для которых водка на столе уже не требовалась.

И апофеозом всего стала поездка сюда, за границу, в Герат – деяние само по себе подозрительное, способное вызвать интерес САВАК. По ту сторону границы генерал еще храбрился, но здесь он уже десять раз пожалел, что согласился на эту авантюру.

Из большого дома вышли несколько человек, в руках у всех были автоматы. Генерал недобро ощерился, рука его легла на «браунинг» в роскошной открытой кобуре из телячьей кожи. Громко щелкнул сдвинутый предохранитель.

– Кто эти люди, Вахид? – подозрительно спросил генерал. – Почему они вооружены? Куда ты меня привез?

– Мы среди своих, генерал, – спокойно ответил полковник Ахлагги, – эти люди такие же братья вам, как я.

– Тогда почему у них оружие?

– Увы, это вынужденная мера, брат. Трудны и неисповедимы пути, которыми каждый из нас идет к Аллаху, и не всем дано приблизиться к нему хотя бы на ту меру, чтобы почувствовать запах рая. В этом мире властвует Иблис, и слуги его готовы на все, дабы убить истинных правоверных и пророка их Махди.

Боевики с автоматами встали у дверей, но машину они не окружили и автоматы на генерала не направили.

– Эти люди охраняют находящегося в долгом сокрытии истинного, двенадцатого Имама. Он сошел в этот город, дабы встретиться с еще одним заблудшим и направить его на истинный путь, ведущий к Аллаху. Пойдем же, брат.

Генерал задумался – многое смешалось в его душе: и страх перед Аллахом, и страх перед САВАК, и страх перед банальным похищением и убийством. Но в конце концов он решил, что зашел слишком далеко и обратной дороги у него нет.

– Пошли, Ахлагги. Веди меня.

Они прошли в дом. Прошли длинным коридором с полом, покрытым плитками из обожженной глины, зашли в одну из комнат. Три двери, голые стены, ковры под ногами, устилающие каждый сантиметр пола. Генерал подозрительно огляделся.

– Что здесь?

– Здесь, брат, тебе предстоит ожидать явления истинного имама.

Генерал снова коснулся рукой кобуры, но ничего не сказал. В конце концов, пистолет у него не отобрали. Доброе русское оружие работы Сестрорецкого оружейного завода, двадцатизарядный «браунинг» с пятидюймовым стволом. Если даже здесь ловушка, то нескольких человек он заберет с собой...

– Долго ли ждать?

– Имам сам решит, когда явиться. На твоём месте, брат, я бы посвятил время, отпущенное имамом на ожидание, молитве.

Ахлагы исчез за одной из дверей. Генерал осмотрелся по сторонам, толкнул ту дверь, откуда они зашли в комнату, – открыто. Тот же самый коридор, длинный, темный, на удивление прохладный и пустой. Прошел через комнату, толкнул дверь, за которой скрылся Ахлагы, – заперто. Огляделся более внимательно, однако на стенах ничего не обнаружил, и на полу – тоже, и на потолке...

Хотя нет.

Были ковры. На коврах рисунок – какая-то мечеть, непонятно какая. Но сами ковры были недорогими, генерал сам недавно купил ковроткацкую фабрику и мог отличить дорогой ковер от дешевого. Выругавшись про себя, генерал уселся на ковер и принялся ждать.

Молитву он, конечно же, не читал. Он просто забыл все молитвы, ибо не молился уже давно. Он просто считал – от тысячи обратно, как это привык делать во время скучных и бессмысленных совещаний в Тегеране, когда только так и можно было скоротать время.

Минута текла за минутой – медленные и бессмысленные.

Примерно на «семистах пятидесяти» генералу показалось, что за дверью, откуда они пришли, кто-то стоит. Подкравшись – он считал, что крался бесшумно, но это было не так, – генерал рванул дверь на себя.

Ничего. Тот же темный, пустой, удивительно прохладный коридор. В комнате тоже было прохладно, хотя ни вентилятора, ни кондиционера в ней не имелось.

Генерал вернулся на ковер и снова начал считать. Снова – потому что он не смог вспомнить, на какой цифре остановил счет, это было непривычно, ибо генерал обладал хорошей памятью. Подумав, он начал считать опять от тысячи.

Девятьсот девяносто девять... Девятьсот девяносто восемь... Девятьсот девяносто семь...

Внезапно прервав счет, генерал подозрительно уставился на пол. Ему показалось, что там скребется мышь. Он ударил ногой по коврам – и странный звук пропал. Проклятые грызуны...

Он снова не смог вспомнить, на какой цифре начал считать. Снова начал от тысячи.

Девятьсот девяносто девять... Девятьсот девяносто восемь... Девятьсот девяносто семь...

На сей раз он досчитал до девятиста пятидесяти, прежде чем непонятный звук появился снова. Но это была не мышь. Генералу показалось, что где-то под полом кто-то поет...

Это был азан – призыв к молитве, уже отчетливо различимый. Очень красивое и мелодичное пение, услада для слуха любого истинного правоверного. Звук был очень слабый – но генерал на удивление хорошо его слышал. Было непонятно, кто поет – мужчина или женщина, иногда казалось, что женщина, хотя женщина не может петь азан, это было бы оскорблением правоверных.

Генерал долго смотрел на пол, пытаясь понять, как оттуда может раздаваться пение и кто там может петь, а когда поднял голову, то увидел...

КАМИЛЯ!!!

Его старый враг и кровник, старый Камиль Доштагери стоял у стены, всего в паре метров от генерала. На шее был отчетливо виден багровый след от веревки, но сам Камиль выглядел на удивление живым...

– Ты... – прошипел генерал.

– Отступник! Мунафик! Муртад!

Камиль говорил, и генерал это слышал, хотя губы старика оставались неподвижными, а рот – закрытым.

– Хочешь избежать кары Аллаха!

– Предатель!

Генерал выхватил пистолет, рывком вскинул его и выстрелил. Безотказный «браунинг» дважды грохнул, стреляные гильзы покатались по ковру – и на левой стороне груди Камияля, на его ослепительно белом одеянии вспыхнули две алые розы.

Но Камиль остался стоять.

– Мунафик! Что твоя сила против силы Аллаха, ведь Аллах над всякой вещью мощен! Воистину, прибегаю я к защите Аллаха, и нет мне смерти!

Красные розы на глазах скукоживались, исчезали с белых одежд мусульманина, казненного по приказу генерала.

– Ты... тебя нет! Ты мертв!

Камиль покачал головой.

– Не тебе, презренному мунафику, рассуждать о смерти! Аллах решает, кого и когда призвать к себе! Ты же будешь низвергнут в ад, и пламя станет тебе достойным наказанием!

Внезапно стало жарко. Очень. Генерал снова опустил глаза – и увидел, что из подполья через ковер пробиваются тонкие, едва заметные струйки дыма.

– Предатель!

Генерал открыл огонь, выпуская в грязного предателя пулю за пулей. Он не мог промахнуться с двух шагов, пистолет выплевывал пули, но они не причиняли врагу никакого вреда. Даже следов крови не было.

Лязгнув, встав на затворную задержку пистолет, генерал, не замечая этого, продолжал в бессильной ярости жать на курок. Пламя уже пробилось из-под пола и плясало светло-желтыми язычками на причудливом узоре ковра. Генерал ощущал его жар – и в ужасе понимал, что Аллах отвернулся от него и что гореть ему в аду вечно.

– Сгинь! Уйди! Сгинь!

Генерал рухнул на ковер и стал кататься по нему в бессмысленных попытках сбить все сильнее разгорающееся пламя...

В нескольких комнатах от этой, дальше по коридору, перед большим плоским, жидкокристаллическим монитором стояли трое. Одним из них был полковник Ахлаг, вторым – невысокий седой человек в наброшенном поверх камуфляжа белом докторском халате. Третий был молодым, двадцать два – двадцать четыре года на вид, чисто выбритым, темноволосым, с тонким, одухотворенным лицом. На нем было нечто вроде белой накидки из странного, чуть переливающегося в лучах света материала. Все трое внимательно смотрели на экран, смотрели на катающегося по полу в припадке генерала Камияба.

– Воистину, Аллах скор на расплату, – холодно произнес молодой.

– Аллах акбар! – синхронно провели ладонями по лицам, имитируя омовение перед намазом, остальные двое...

– Ты наполнил мое сердце радостью, брат Ахлаг... – продолжил молодой. – Признаться, я не ожидал такого скорого действия.

– Это великий грешник, о святейший, – проговорил Ахлаг. – Выслушивая его признания, я удивлялся, как великий Аллах не поразил его молнией гнева своего! Он обесчестил девушку и убил ее отца. Он грабил людей и отнимал все, что у них было, чтобы набить свой карман. Он не расходовал приобретенное на дела, угодные Аллаху, но ездил в Индию, чтобы открыть тайный счет и сохранить награбленное. Он пил одурманивающие напитки, запрещенные священным Кораном, он насиловал детей, за последний год он ни разу не встал на намаз. Воистину – тяжела кара его – и она заслужена им.

– Аллах сказал, что спасутся те, кто уверует, какими бы они ни были грешниками до этого, – ответил молодой, – и каждого грешившего ожидает мучительное наказание, но после него они очистятся. Ты хорошо поработал, брат Ахлаг, но теперь пришла моя очередь. Мы с тобой рыбаки, Ахлаг. Ловцы человеческих душ.

Ахлаг рухнул на колени и припал к земле, чтобы поцеловать сандалию последнего, двенадцатого пророка.

– Я недостойн сравнения с вами...

– Ты достоин, Ахлаг. Ты достоин, ибо ты твердо идешь по пути аллаха, и рай будет тебе наградой. Это говорю тебе я, Махди.

Сказав это, Махди вышел из комнаты, следом за ним вышел человек в камуфляже и наброшенном поверх него белом халате. Полковник Ахлаг остался в комнате один.

Генерал не понял, когда это началось. Он горел, и огонь доставал до костей – когда сквозь застилающую взор колеблющуюся игру пламени он заметил, как разверзлась одна из стен. И в комнату ступил...

– Здравствуй, Камияб...

Генерал лежал на боку, не смея пошевелиться, – он знал, что, если пошевелится или скажет что-то, пламя вновь набросится на него.

– Встань, Камияб, не бойся...

Генерал пошевелился, потом с опаской встал на колени.

– Ты...

– Я тот, о ком тебе рассказывали в детстве. Помнишь муллу Дадуллу? Ведь именно он нес тебе слово Аллаха, пока ты не встал на путь Иблиса¹⁷, на путь, пахнувший огнем и серой.

– Вы знаете...

– Я знаю все, Камияб. Мулла Дадулла сейчас один из тех, кто сидит по правую руку Аллаха! Он – из праведников, и там его место.

– Я его не убивал!

– Его убил не ты, Камияб. Его убили такие, как ты. Те, кто идет не путем Аллаха, а путем злодеяний. Слуги Иблиса убили его! Повторяй за мной!

И генерал заговорил, сбивчиво повторяя все, что говорил этот молодой человек в пальмовой накидке. И стены задрожали, отзываясь гулким эхом на грозные слова пророчества...

Тем, кто сделал меня носителем истины, я клянусь, что даже если миру останется жить только один день, Аллах сделает этот день достаточно длинным для того, чтобы осуществилось пришествие моего сына Махди. После появления халифов, тиранических королей и принцев, родится человек моего рода, который переполнит мир справедливостью, как ранее он был переполнен угнетением и неравенством. Махди родится во время, когда между людьми будут ссоры. Он появится в то время, когда выпадет смертельный дождь и на земле не останется более растений. Он будет одним из нас. После того как он родится, Иисус, лик Аллаха, снизойдет и будет молиться рядом с ним. Жители неба и земли будут им благословлены. Он разделит богатства с беспристрастностью. А когда его спросят, что означает «разделить богатства с беспристрастностью»

¹⁷ Иблис – дьявол.

стью», он ответит: «Всем поровну». Махди, разделяя богатства между людьми, будет действовать справедливо, так, что никто не окажется более в нужде. Страх он вселит в сердца врагов его. С помощью Аллаха он утвердится. Под его руководством земля откроется, и все скрытые в ней сокровища обнаружатся. Его империя объединит Восток и Запад. Аллах руками Махди сделает свою религию всепобеждающей, вопреки сопротивлению многобожников.

*И в это время не останется на земле никого, кроме тех, кто уверовал, кто повторяет, что нет бога, кроме Аллаха. Воистину так будет!*¹⁸

Генерал говорил, не замечая, что каждое произносимое им слово пророчества совпадает с ударом сердца.

Потом наступила тишина. Только сердце продолжало стучать.

– Ты великий грешник, не так ли, Камияб? Ты не шел путем Аллаха, ты преступал его закон, и шайтан был тебе поводырем на пути жизни твоим.

Слезы потекли по щекам генерала – искренние, впервые за долгое, очень долгое время.

– Да, это так, святейший.

– Ты лгал, предавал, грабил, насиловал и убивал, ты не был предан даже Иблису, которому служил каждый день и которому посвящал деяния свои.

– Да, святейший.

– Но Аллах, истинный господин наш, сказал: спасутся те, кто уверует! Веришь ли ты в Аллаха, Камияб, искренняя ли твоя вера?

– Я хочу верить... – плача произнес генерал.

– Так поверь. Ведь всевышний Аллах сказал: «Не сравнятся люди с теми, кто расходовал и сражался до победы. Эти выше степенью, чем те, которые расходовали и сражались после нее. Но каждому из них Аллах обещал наилучшее, и Аллах ведаёт о том, что вы вершите!»¹⁹ Готов ли ты, Камияб, искренней верой искупить грехи твои и встать на путь священной войны – Джихада?! Ведь язычники сильны, победа далека, и, когда наступит день ее – истинно говорю, – велико будет воздаяние тебе и всем, кто сражался во имя нее. Готов ли ты принять наше братство и стать нам братом?

И генерал ответил:

– Да, готов.

– В таком случае, – стены снова завибрировали, многократно отражая эхо, – повторяй в точности за мной:

Истинно вручаю тело и душу свою делу святого Джихада и клянусь идти путем его, как бы труден он ни был. Клянусь хранить печать молчания на устах своих и клянусь прибегать к тактике, когда будет нужда – и да не увидит всевышний Аллах греха в этом! Брат всем братьям моим, клянусь словом и делом, явным и тайным, приблизить пришествие Махди и способствовать распространению дела его по всей земле. Пусть все братья будут свидетелями клятвы моей, и да поразит меня кинжал гнева их, если я отступлю от клятвы своей. Аллах – мой бог, Махди – мой пророк!

Когда генерал произнес это, он вдруг почувствовал, как все плохое, все злое, что было в нем, сгорело в пламени, терзавшем его, исторглось наружу со слезами его. И не осталось в душе ничего, кроме веры.

– Поднимись с колен! – повелел Махди. – Ибо негоже отдавать такие почести всем, кроме всевышнего Аллаха!

– Но разве...

¹⁸ Эти строки – переработанный текст хадиса, повествующий о пришествии Махди. Это очень схоже с верой христиан во второе пришествие Христа. – Прим. автора.

¹⁹ 57 сура, 10 аят.

– Я всего лишь раб его, равно как и ты, генерал Камияб. И до победы еще далеко. Помни клятву свою, выполняй обет свой, помогай братьям своим – и всевышний Аллах не оставит тебя милостью своей.

С этими словами Махди отвернулся и вошел обратно в стену, и стена поглотила его. А генерал остался стоять, оглушенный, растерянный, – и слезы жгли щеки его сильнее, чем недавно бушевавшее здесь адское пламя.

Через какое-то время – генерал так и стоял молча – открылась дверь, и в комнату вошел полковник Ахлаги.

– Пойдем, брат, – буднично произнес он, – нам нужно возвращаться. Иначе может случиться беда, большая беда.

Генерал позволил взять себя за руку. Вместе они вышли в коридор.

– Это... это был Махди?

– Тише! – полковник огляделся. – Не стоит произносить вслух имя его. Неверные стремятся уничтожить его, он является только избранным – как явился сегодня нам, брат!

– Но что мне делать? Что мне делать теперь? Что мне делать?!

– Делай то же, что и всегда, брат! Помни – неверные уничтожат тебя первым, если ты откроешься им! Неверные хотят уничтожить всех нас – и уничтожили бы, если бы Аллах не открывал их гнусные замыслы! Я помогу тебе, брат, идти его путем – и не сорваться в пропасть, как когда-то помогли мне. Ведь это благо перед лицом Аллаха – помочь брату своему идти к нему!

10 июня 2002 года Тегеран

Автомобили я заметил, когда свернул на улицу. Принц стал скромнее – всего четыре автомобиля, причем абсолютно одинаковых. Уже лучше.

Припарковал свой новоприобретенный «Шевроле» следом за этими четырьмя автомобилями, стоящими в ряд, чем вызвал оживление охраны. Направлять автоматы на машину, которая просто припарковалась рядом и у которой дипломатические номера, – явный перебор. Заглушив двигатель, я покинул машину.

Принц Хуссейн вышел мне навстречу.

– Доброго здоровья.

– Доброго здоровья, сударь. Что привело вас в мои скромные владения²⁰?

– Желание провести брата, обретенного мной по воле Аллаха.

– Достойное желание. В таком случае почему друг и брат ждет меня на улице, а не входит в дом?

– Увы, сударь, я бы и рад воспользоваться вашим гостеприимством, но многие дела и заботы ждут меня. Я бы хотел пригласить вас в одно место. Вы должны там быть, потому что это касается как вас, так и меня в равной степени.

– Что ж, извольте, сударь. Только если уж нам следует куда-то съездить, думаю, лучше поехать в моей машине. Она достаточно защищена от... жизненных неурядиц.

– Охотно приму приглашение.

Принц коротко и на повышенных тонах что-то приказал своим охранникам – больше всего они походили на борзых во время гона, готовых сорваться со смычка²¹ в любой момент. Охрана засуетилась, начала рассаживаться по машинам, мы же направились к моей.

– Интересный выбор, сударь. Я думал, вы купите что-то, произведенное в России, – заметил принц, усаживаясь в кожаное кресло «Шевроле», которое североамериканцы ставили вместо сиденья.

– Я так и хотел сделать. Но меня отговорили.

– Интересно. И почему же?

– Сказали, что машины, аналогичные тем, которые закупает местное правительство, – хорошая мишень для террористов.

Принц сначала не знал, как реагировать, потом рассмеялся, но вымученным, неискренним смехом.

Я так и не мог понять принца Хуссейна, хотя знал его не первый день. По всему: по манере говорить, по манере одеваться, по манере поведения – можно было сделать вывод, что он играет какую-то навязанную роль, причем играет ее не очень талантливо. И все то, что он делает – каждый час, каждую минуту, – ему не нужно, это его тяготит, и тяготит сильно. Но сделать с этим он ничего не может и вынужден тянуть постылую для него ляжку.

Оставался вопрос – зачем? Зачем ему все это?

Ответа на этот вопрос я найти не мог.

– Куда мы едем?

– В Маадар. Это за Рахман-абад, знаете?

– Знаю...

²⁰ Когда князь Воронцов говорит «владения», он не ошибается. По закону, территория посольства считается территорией страны, которую представляет это посольство. Право экстерриториальности. Поэтому территория посольства Российской империи в Персии была русской. – *Прим. автора.*

²¹ **Смычок** – на сленге собачников, любителей охоты с борзыми, – это поводок.

Тот же день **Район Месгар-Абад, Тегеран** **ППД гвардейского танкового полка**

Есть очень хороший, только не всем доступный способ распознать диктатуру. Как отличить государство, где власть правит волей народа, от государства, власть в котором волю народа угнетает и подавляет. Для этого нужно просто посмотреть на расквартирование войск. Если большая часть армии расквартирована рядом со столицей, значит, власть в государстве держится на штыках и рассчитывает, что в случае мятежа армия подавит его. Если войска расквартированы по всей стране, там, где они действительно необходимы, значит, власть правит волей народа и народа не опасается. В Российской империи около столицы было расквартировано процентов пять от общей численности армейских частей, только Гвардейские полки. В Персии вокруг Тегерана было сосредоточено сорок процентов от всей армии, лучшие, наиболее преданные Светлейшему части²². В том числе и танковые.

В числе Гвардии Бессмертных имелись не только части спецназначения и мотострелковые, но и целый танковый полк. Вооружен он был, за неимением лучшего, танками типа «Богатырь-б», снятыми с вооружения в Российской империи в восьмидесятые и замененными там гаубицами и самоходными орудиями. Здесь же эти танки были со своей пятидюймовой пушкой и довольно высоким силуэтом, они уступали вооруженным шестидюймовками русским штурмовым орудиям и восьмидюймовым гаубицам, но другого оружия Персии не продавали. Мало кто знал, что танки эти тайно модернизировали и на них установлены тепловизорные прицелы, системы автоматического поиска целей на поле боя и расчета огневых задач, а также дополнительные листы металлокерамической брони. Теперь эти машины если и не могли тягаться на равных с римскими «Ягдпантерами» и русскими ИТ-152²³, то по крайней мере не были легкой добычей для них. А в самой Персии для них и вовсе почти не имелось соперников.

Поскольку полк относился к Гвардии Бессмертных, танкисты этого полка были гораздо лучше обеспечены, чем солдаты других, не гвардейских частей. В Гвардии жалованье полагалось не больше, чем в других армейских частях, но зато шахиншах поощрял своих гвардейцев другими методами. Бесплатная машина, бесплатная квартира – за беспорочную службу. Обязательно бесплатно – шахиншах знал, что делает. Никакие премии или повышенное денежное довольствие не дает такого эффекта, как нечто ценное, что тебе дарит повелитель из своих рук.

Имелось и кое-что еще. В танковом полку, как и в некоторых других частях Гвардии, не было русских военных советников.

Сегодня в полку был объявлен парковый день, по этой причине все офицеры находились в мехпарке, чинили технику. Как и во всех частях Гвардии Бессмертных, весь личный состав этого полка был исключительно офицерским, звания начинались с младшего лейтенанта. А как подобает в любой хорошей армейской части, офицеры части колдовали над своими машинами все вместе, не взваливая это на плечи ремонтных служб. Вверенную тебе боевую технику нужно знать, и надежнейший способ узнать ее получше – это отремонтировать ее своими руками.

Время шло к полудню, и некоторые ремонтные бригады уже вытирали черные от масла руки в предвкушении посланной Аллахом трапезы, когда на залитую бетоном площадку мех-

²² Автор приводит реальные данные по Ирану. По Ираку времен Саддама точные данные мне неизвестны, но подо-зреваю, что отличие там небольшое.

²³ Переводится как «истребитель танков-152», то есть с орудием калибра 152 мм. Чем-то похож на реально существовавшую ИСУ-152, но на более высоком технологическом уровне.

парка влетел «Егерь» командира полка – полковника Хабибуллы Айята. За рулем был не его родственник из дальнего вelayята²⁴, которого он устроил на непьющую должность шофера при штабе, а сам полковник. И вид у него был весьма бледный.

– Строиться по экипажам! – заорал он в мегафон, едва остановив машину.

Проклиная про себя все на свете, офицеры разгибались, вытирали руки ветошью, вставали в строй прямо рядом с ровной линейкой выкрашенных в песчаный цвет машин, прикрытых навесами от безжалостно палящего солнца.

Кое-кто уже разглядел человека в штатском на сиденье рядом с полковником – и по спине у каждого пополз холодный пот, липкие щупальца страха прихватили сердце. Человек в штатском рядом с полковником мог появиться только в одном случае, и принадлежать он мог только к одной организации.

Несколько офицеров из числа строящихся поэкипажно незаметно проверили, на месте ли кобуры с пистолетами. Все они знали, что могло произойти, знали, что за одно из малоизвестных покушений на Светлейшего казнили целый пехотный батальон, который в этом участвовал.

А один из выстроившихся танкистов хладнокровно прикинул, что люк в башне танка у него за спиной открыт и лента на пятьдесят патронов в пулемет калибра 14,5 заправлена. Пятьдесят патронов, пуля каждого из которых может пробить дом навывлет. Он не знал, что произошло – они ничего не сделали, – но дешево продавать свою жизнь не собирался.

– Вверенная мне часть построена, эфенди... – доложил полковник, стремясь не показывать, как он испуган.

Неизвестный в штатском брезгливо посмотрел на танкистов.

– К воротам вашей части поданы автобусы. Прикажите своим людям выходить к автобусам поротно.

Всё...

Полковник не успел ничего сказать, когда неизвестный добавил:

– И почему они в таком виде, полковник? Грязные... прикажите им вымыть руки и надеть парадную форму. Прикажите им привести себя в порядок!

Сердце, которое только что сдавили холодные пальцы, пустилось в пляс.

– Осмелюсь спросить, эфенди... сам Светлейший соизволил увидеть нас?

Штатский посмотрел на полковника Гвардии как на пустое место.

– Эту честь надо заслужить, – холодно процедил он, – извольте приказать своим людям привести себя в порядок и строиться у автобусов.

²⁴ Велайят – провинция, область.

Тот же день Район Маадар, Тегеран

Маадар – мало у кого из персов не замирало сердце при этом слове. Маадар для перса – это ночной стук в дверь, это нависший над каждым меч, это пытки и казнь без суда. Это тысячи пропавших без вести людей, о которых не принято даже помнить. Маадар – это ночная столица Персии; днем столицей был Тегеран – а ночью власть переходила к Маадару, и каждый беспокойно спал, ожидая рокового стука. Днем ночная власть никуда не уходила, просто о ней старались не думать – до следующей ночи. Не думать, не видеть, не слышать, не знать, не вспоминать.

Это все мы поняли уже потом, через несколько месяцев, когда спецгруппа лейб-гвардии шестьдесят шестой десантно-штурмовой дивизии ворвалась в крепость Маадар, когда прорвались в ее подвалы, которые даже свои называли «Центром ужаса». Позже, когда полицейские следователи снимали все новые и новые допросы, открывая все новые и новые ужасы творившегося там и по всей остальной стране зла. Позже, когда шокированный открывшейся правдой о правлении Хоссейни Государь решил, что Персия должна стать не подвассальной страной, а частью Российской империи. Он был прав тогда, потому что правление Мохаммеда Хоссейни настолько искалечило души людей – и тех, кто властвовал, и тех, кто подчинялся, что, кто бы ни стал новым иранским шахиншахом, все продолжалось бы. Те, кто правил, – так и правили бы, кнутом и дыбой, а те, кто подчинялся, – не посмели бы возвысить голос. Или посмели бы – сметающей все на своем пути волной бессмысленного и беспощадного религиозного бунта. Только правление тех, кто родился и вырос свободным, с осознанием собственного достоинства и прав, с осознанием долга перед Родиной и заповедей божьих, могло излечить эту страну. Не сразу, но постепенно могло...

Комплекс зданий САВАК в Маадар был выстроен в шестидесятые годы и сильно расширен в восьмидесятые. Поэтому у него имелись два периметра охраны – внутренний и внешний, причем внешний был сильно вытянут в сторону от города, захватывая свободные территории. Мало кто мог сказать – за исключением тех, кто здесь работал, – что побывал внутри этих стен и выбрался оттуда. Но кое-кто все же выбирался, чтобы рассказать остальным о пережитом. Рассказать шепотом...

От основной дороги, идущей к кольцевой²⁵, к центру дознания САВАК вело бетонное четырехполосное шоссе, упирающееся в глухой забор и глухие стальные ворота, которые не распахивались, а отъезжали в сторону, прячась в стене. Глухая, высотой на глаз шесть-семь метров стена с отрицательным наклоном и рядами колючей проволоки поверху, через каждые пятьдесят метров на стене башенки охраны, с прожекторами и пулеметами. Что находится внутри, было видно с трассы – ряды одинаковых, угрюмых, бетонно-серых сооружений пяти – семи этажей высотой...

Мы ехали третьими в колонне, нас охраняли – две машины с охраной впереди и две – позади. Никакой пропускной системы я не увидел – когда мы подъехали к воротам, головной внедорожник взревел клаксоном, и через несколько секунд ворота стали отползать в сторону.

За воротами находился тамбур – некоторое пространство, обнесенное глухой высокой стеной, – и еще одни ворота, внутренние. Как в каторжных заведениях – внешние и внутренние ворота никогда не открывались одновременно.

²⁵ В нашем мире кольцевой у Тегерана нет, центр дознания САВАК (позже, после Исламской революции ВЕВАК) расположен в самом Тегеране.

В глухой стене распахнулась дверь, из нее вышел офицер и направился к машинам, но, сообразив, что это за машины, увидев принца Хусейна в одной из них, поспешно нырнул обратно, чтобы пропустить кортеж.

– Здесь нужны такие меры предосторожности? – поинтересовался я.

– Нужны. Исламисты уже не раз нападали на центр, даже обстреливали его из минометов.

– Из минометов?

– Да, у них есть даже минометы. Откуда берутся – непонятно, возможно, из Афганистана...

Скорее всего это был намек, причем намек почти неприкрытый. Афганистан был ареной противостояния двух великих держав – Российской и Британской империй. Британия поддерживала «законное» правительство во главе с Гази-шахом, но сил у него хватало только, чтобы контролировать Кабул с окрестностями, дорогу на Пешавар и некоторые крупные города. Российская же империя поддерживала повстанцев – пуштунов, поставляя им оружие. И с той, и с другой стороны ситуация зашла очень далеко – доходило дело до «ядерных испытаний», которые имели место быть несколько лет назад. Естественно, часть поставляемого оружия расползлась по соседним странам – причем как британского, так и русского.

– Британцы и в самом деле напрасно поставляют в эту страну столько оружия, – я решил уйти от разговора на болезненную тему.

Принц кивнул, принимая игру.

– Паркуйтесь вон там.

На парковке уже стояли несколько армейских автобусов, не считая другой техники, но место я нашел...

Для церемоний во внутреннем дворе спецтюрьмы построили террасу для высших чинов, желающих посмотреть на экзекуции. Выход на нее был со второго этажа здания спецтюрьмы, а от солнца ее накрыли белым плотным тентом. Удивительно, но тут имелось почти кафе – со стульями, столиками и двумя холодильниками-витринами с напитками.

Во внутреннем дворике тюрьмы уже выстроили офицеров шахской гвардии. Вот чего бы я никогда не стал делать – так этого.

– Ваше Высочество, прошу пояснить, с какой целью вы пригласили сюда меня, – я задал этот вопрос, когда мы еще шли коридором тюрьмы.

Принц улыбнулся – непонятно чему.

– Во-первых, я хочу представить вас высшим офицерам гвардии и САВАК. Во-вторых, люди, которых сегодня казнят, покушались не только на мою жизнь, но и на вашу. Любой мужчина с удовольствием увидит, как возмездие настигает его врагов.

– Речь идет о катастрофе вертолета?

– Именно.

На террасе нас уже ждали несколько офицеров, среди которых выделялся один – выше остальных, поджарый, в форме с иголки, с короткой, ухоженной черной бородой. На нем единственном не было черных очков, остальные находившиеся на террасе офицеры их надели.

– Генерал Абумаджид Тимур, директор САВАК.

Генерал протянул руку.

– Для меня большая честь познакомиться с посланником Его Величества Александра в нашей бедной стране.

– Ну, не такая уж она и бедная, господин генерал.

Генерал улыбнулся – я уже заметил, что большинство персов очень трепетно к этому относились и буквально таяли, стоило только хотя бы мимолетно похвалить их страну. Не знаю, чем это вызвано – русские, например, относились к тому, что живут в империи, в сильной и богатой стране, совершенно спокойно, без лишней экзальтации.

– Вверяю господина посла вашим заботам, господин генерал. – Наследник отошел к стоящим небольшой группой офицерам, о чем-то заговорил с ними на фарси.

– Что нам предстоит увидеть, генерал? – спросил я, хотя примерно уже знал ответ.

– О, всего лишь казнь нескольких шакалов, дерзнувших поднять руку на наследника самого Светлейшего. Насколько мне известно, вы в тот момент были вместе с Его Высочеством и спасли ему жизнь.

– Это произошло случайно, сударь. Я вообще не должен был лететь на том вертолете. Получается, что, пригласив меня на борт, принц Хусейн спас сам себя.

– Кысмет! – назидательно поднял указующий перст генерал. – Аллах не забрал Его Высочество к себе. Значит, такова воля аллаха, значит, принц не сделал все, что Аллахом предназначено сделать ему на земле. Значит, его и нас ждут новые свершения.

Упоминание Аллаха устами начальника Гвардии, при том что с правоверными здесь боролись, показалось мне странным – хотя в чужой монастырь со своим уставом... как говорится. Пусть я и пребывал здесь недолго и не знал фарси, но кое о чем я уже догадался. Люди, правившие этой страной, были истинными мунафиками, лицемерами, они готовы были молиться на телевизор, если бы возникла такая необходимость. И это мне не нравилось. Вера – не терпит лицемерия. Если ты не веришь в душе, имей мужество сказать об этом. В России были и атеисты, и их права также уважались. Когда же ты веришь без веры... Господь накажет, и не важно, кто как его называет. Господь – един.

– Откуда вы так хорошо знаете русский, господин генерал? – спросил я, не желая продолжать скользкую тему.

– В наших медресе²⁶ преподают русский язык. Потом я общался с вашими офицерами, с военными советниками и постепенно освоил ваш язык. Он очень труден в освоении, хотя и красив.

– Спасибо. Это и в самом деле так. – Краем глаза я заметил, что начали выводить приговоренных. – А расскажите, что сделали эти люди с вертолетом... Если это не тайна, конечно...

– О... это отнюдь не тайна. Уже не тайна, ибо от нас нет никаких тайн. Начальник базы, где базируется вертолет Светлейшего, оказался экстремистом и решил совершить покушение на Светлейшего. С этой целью он подменил детали в вертолете: вместо новых, при очередном ремонте, он поставил те, которые уже выработали свой ресурс²⁷. Не желаете освежиться? Здесь есть отличный лимонад.

Я примерно прикинул – это могло быть правдой, а могло и не быть. Действительно очень похоже на правду. Если бы генерал Тимур начал говорить про взрыв – я бы не поверил сразу, потому что взрыва не было, была именно внезапная поломка, причем очень серьезная. Но возникал вопрос – почему при проведении ремонта не присутствовал никто из офицеров Гвардии, почему списанные детали сразу не уничтожили по акту, в присутствии того же гвардейского офицера? Вопросов была масса, и, чтобы получить на них ответ, казнить тех, кого сейчас собирались казнить, не следовало бы.

– А зачем они это сделали?

– Потому что они преступники! Они негодяи, они злоумыслили против самого Светлейшего, и теперь их ждет достойная кара.

²⁶ **Медресе** – школа при мечети. В Персии школы по инерции так и назывались – медресе, хотя многие из них были уже не при мечетях, а те, которые оставались при мечетях, давали не религиозное, а светское воспитание. Кстати, еще одна ошибка – потому что тем самым фактически поставили под запрет религиозное образование и дали народу еще один повод для волнений.

²⁷ При ремонте летательных аппаратов детали заменяют не тогда, когда они ломаются, а когда они исчерпали ресурс – то есть деталь внешне еще годная, но ее заменяют. Это делается потому, что, если поломка произойдет в полете – менять уже ничего не придется, будет авиакатастрофа. Некоторые недобросовестные люди подделывают документы и продают вышедшие ресурс детали как новые – это и приводит к катастрофам. – *Прим. автора.*

Исчерпывающий ответ. Значит, мотивов так и не выяснили, скорее всего, и не выясняли. Значит, можно ждать повтора. Если не устранить мотив, повторять покушение будут снова и снова.

Выведенных на плац приговоренных положили лицом вверх и начали привязывать тросами к крюкам в асфальте, будто готовясь четвертовать их. Я предположил, что расстреливать их будут в таком положении, чтобы не было рикошета – ведь не дай аллах, расстрельная пуля залетит на террасу. Тогда будет новый расстрел – уже самих расстрельщиков.

– А для чего сюда привезли этих офицеров?

Генерал Тимур покачал головой с таким выражением лица, будто его заставляли объяснять прописные истины.

– Каждый офицер Гвардии должен знать, что, если ему доведется злоумыслить на Светлейшего, его ждет ужасная кара.

Где-то зафырчал двигатель, раздался гул – странный, я не смог сразу определить его природу. Заинтересовавшись, я повернулся в сторону плаца – и увидел, как из арки выезжает тяжелый асфальтовый каток²⁸...

Казнь я посмотрел до конца – до последнего осужденного, до последнего крика. Осужденных было четверо, и перед казнью каждого командовавший экзекуцией офицер наугад выбирал из замершего под палящим солнцем строя одного гвардейца, а может, и не наугад. Именно этот офицер должен был сидеть за рычагами катка, направляя его на несчастного. Один из приговоренных, кажется, умер еще до того, как его раздавил каток, – от разрыва сердца.

Я сдержался – хотя это было сложно. Сдержался – до того момента, как мы, сопровождаемые офицерами, покинули здание тюрьмы и вышли на стоянку, к машинам...

– Что скажете, Искандер? – спросил меня принц Хусейн и сделал это совершенно напрасно.

– Скажу вот что. Не стоит множить зло без необходимости – отольется. И когда отольется – не стоит тому удивляться. И еще, сударь. У меня больше нет брата.

Как ни странно, я угадал. Именно в тот день и в том месте, на плацу внутренней тюрьмы Центра дознания САВАК, когда тяжелый вал катка плющил людей, сразу несколько офицеров танкового полка Гвардии бессмертных шагнули за грань. Шагнули за смертельно опасную грань, когда перестает иметь значение человеческая жизнь – что своя, что чужая. И приняли для себя решение.

²⁸ Это может показаться выдумкой, но это не выдумка. При одном из ближневосточных правителей недавнего времени, которому сейчас некоторые глупцы чуть ли не оды посвящают, людей казнили в том числе и так – проезжали по ним строительным катком. Поэтому оды этому человеку писать точно не стоит. – *Прим. автора.*

10 июня 2002 года

Северная Индия, Равалпинди

База Королевских ВВС Чахлала

Мало кто из британских солдат не знает Равалпинди. А при слове Чахлала – большая часть вояк выругается и сплюнет на землю.

После массированного ракетного удара русских по объектам в Афганистане и Северном Пакистане в стране поднялся мятеж. Племена, жившие на севере и на пограничной территории между Индией и Афганистаном, в так называемой «зоне племен», всегда были мятежны, всегда злоумышляли против короны. На сей раз восстание подавили с большой кровью, потому что инфраструктура для оказания авиационной поддержки была разрушена, и впервые за долгое, очень долгое время британским солдатам пришлось сражаться с противником по старинке, «лицом к лицу». А учитывая то, что мятежники сражались на своей земле, в своих ущельях, британцам приходилось атаковать, при том что троекратного перевеса сил, «по учебнику», не было... В общем, можете себе представить, во что обошлись такие атаки. Но британцы выстояли. Истинные сыны Туманного Альбиона, внуки и правнуки лихих гвардейцев и улан, они все равно победили, пусть и с болью, с кровью, но победили. А победив, стали сильнее, потому что победившая врага армия всегда становится сильнее. Тонкая красная линия²⁹ стояла непоколебимо.

Потом инфраструктуру восстановили. Восстанавливать следовало быстро, очень быстро – потому что русские могли ударить еще раз. Военные власти временно реквизируют у гражданской администрации аэропорт Равалпинди и создали там базу королевских ВВС Чахлала. А потом вместо того, чтобы строить новую военную базу, рядом соорудили новый международный аэропорт, а старый так и остался военной базой. Это было разумно, потому что при необходимости военные могли пользоваться гражданскими полосами, а гражданские – военными. Было и еще одно обстоятельство, сподвигшее именно к такому решению, хотя никто и никогда этого не озвучивал. Единая инфраструктура гражданского и военного объектов резко снижала вероятность нового удара по ним – русские в первом ударе продемонстрировали, что не наносят ударов по гражданским объектам. Возможно, наличие рядом с целью тысяч пассажиров удержит их от внезапного удара и сейчас...

Очень быстро база ВВС Чахлала стала основными воздушными воротами Северной Индии – ибо развитая инфраструктура бывшего гражданского аэропорта позволяла принимать и отправлять военных с комфортом, относительно – но недостижимым на обычной военной базе. В результате все, кому довелось отслужить в Северной Индии за последние семь лет, никак не могли миновать эту базу ВВС, они бывали на ней по меньшей мере дважды – при прибытии и при отправлении.

Вот и сейчас грузный «Бристоль-Белфаст», неторопливый четырехмоторный транспортник, рабочая лошадка британской транспортной авиации и самый распространенный самолет на этой базе, грузно бухнулся на полосу, побежал по ней, замедляясь с каждым пройденным метром, потому что пилот включил двигатели на реверс. Сидевшие в темном брюхе транспортника солдаты поморщились – столкновение с землей было жестким.

– Добро пожаловать в ад... – тихо произнес один из солдат, небольшой группой сидящих на своих вещмешках прямо у пилотской кабины. Это был крепкий и жилистый, рано поседевший мужчина в потертом, со старым рисунком камуфляжа обмундирования. Вообще,

²⁹ Впервые это выражение – «тонкая красная линия, ошетилившаяся штыками» – появилось в воспоминаниях о Крымской кампании. – *Прим. автора.*

эта группа выделялась из общего потока солдат – шотландцев, йоркцев, валлийцев, которых такие же, как этот, «Белфасты» ежедневно переносили сюда. Выделялась составом – четверка мужчин средних лет, в форме со странно невысокими для этого возраста и этой выслуги лет знаками различия. И еще один, пятый, – намного моложе их, почти юнец, который старался не выделяться, носил черные очки и почти все время молчал. Выделялось и оружие – у троих были не заслуженно проклятые L85 королевских арсеналов, а североамериканские, куда более надежные и удобные M4A2 с подствольными гранатометами. У четвертого – большой, обтянутый камуфлированной тканью жесткий чехол, в каких обычно снайперы носят свои винтовки. У пятого, самого крупного из всей пятерки, рыжего и бородатого, был пулемет L7A2 с матерчатым мешком для ленты. Собственно говоря, офицеры, отправлявшие самолет и много чего повидавшие, только глянули – и сразу все поняли. Североамериканское оружие было в ходу в SAS, а люди из SAS были не из тех, к кому можно свободно приставать с расспросами.

Пятый, самый молодой, что провел весь полет, уставившись в пол и не произнося ни слова, поднял голову и посмотрел на командира группы. Он трусил – трусил уже сейчас, но держался. Потому что с детства знал: трусость недопустима, это все равно что предательство. Особенно – для него.

– Бывали здесь, сэр?

Командир группы усмехнулся.

– А как же... Дважды. А вон Шон – тот четвертый раз сюда летит.

Шон, пулеметчик, показал фигуру из трех пальцев.

– Зато когда я прохожу детектор при посадке на самолет, он не звенит как сумасшедший.

– У босса не пойми чего больше в заднице: то ли мяса, то ли железа, – добавил третий.

– Эй, кто это там заинтересовался моей задницей? И с какой, позвольте полюбопытствовать, целью?

– А то ты не знаешь...

Эти грубоватые солдатские шутки, отпускаемые легко и непринужденно, перелетающие, словно теннисный мячик, от одного солдата SAS к другому, немного привели Николаса, внука царствующей особы и наследного принца, в чувство...

– Долго еще?

– Да сейчас зарулят, выпустят нас из этой душегубки. Не торопись, парень, наслаждайся последними минутами покоя.

Происходящее явилось результатом довольно значительного, хотя и почти не освещенного прессой скандала в королевской семье. Дела в ней были совсем плохи – фактически принцесса Мария покинула своего мужа, наследного принца Гарри³⁰, и жила отдельно от него с двумя сыновьями. Что было этому причиной – сказать сложно, обычно в таких ситуациях виноваты бывают обе стороны. Газеты большую часть вины возлагали на Гарри, возможного будущего монарха, – за его скандальную, почти открытую связь мало того что с особой не голубых кровей, так еще и с замужней женщиной. Ситуация была настолько серьезной, что стоял вопрос о том, что королева должна передать трон не сыну, а одному из внуков. В семье думали, как поступить, газеты изощрялись в остроумии, и уже сейчас было ясно, что короля Гарри в Великобритании быть не должно, это подорвет институт монархии в целом. Монарх не должен вводить женщин из семьи. И оставался только вопрос: кто из двоих внуков? Николас или Джек? Джек или Николас?

А пока шли все суды-пересуды, пока отца и мать поливали грязью (хотя, если быть честными, они это заслужили) – в Британии росли два принца. Росли в обстановке скандалов, ссор, дразг. Но каким-то образом оба они выросли достойными людьми, любящими Британию, ее

³⁰ В этом мире она не покинула семью окончательно.

народ и традиции. Ни один из них не раздумывал, служить ему в армии или не служить. И каждый из них сознательно встал на очень опасный путь.

Принц Николас выразил желание служить не где-нибудь, а в Афганистане. Опаснее этого не было ничего, разве что попасться на крючок газете «Sun». Уговоры матери и даже бабушки-королевы ничего не дали – принц заупрямился еще больше и пригрозил, что, если ему не дадут служить, где он хочет, он сам пойдет в «Sun» и все расскажет. Последствия этого могли быть страшными – Великобритания посылает на смерть в Афганистане пацанов, а принцу служить там нельзя. Поэтому встал вопрос об обеспечении безопасности принца при прохождении им службы. Особую остроту этот вопрос приобрел из-за профессии Николаса – передовой авианаводчик. Это одна из самых опасных профессий в армии – передовой авианаводчик наводит самолеты на цели, находясь на самом переднем краю обороны, иногда даже за линией фронта. За ним охотятся все – убей авианаводчика, и эффективность авиационной поддержки частей сразу резко снизится. Вот и придали принцу в группу – у любого авианаводчика есть группа поддержки и охраны – четверых самых опытных оперативников SAS, какие только отыскивались в Великобритании. Они должны были защитить наследного принца и возможного будущего короля даже ценой собственных жизней и готовы были сделать это.

Возглавлял группу майор САС Колин МакКлор. Угрюмый, но в то же время всегда готовый ответить едким словцом на шутку сорокалетний шотландец, первую свою ходку «на войну» сделавший в составе полка «Шотландских королевских стрелков», – один из немногих, кто сумел выбраться живым из пылающего Бейрута, не попавшись во время прочесывания и сплошной зачистки, а несколько месяцев спустя вывезенный едва живым в Британию после боев в племенной зоне – тогда из их патруля в живых остались лишь двое – и все равно вновь вставший в строй. МакКлор был инструктором по выживанию, он знал проклятую «Черную гору»³¹ как свои пять пальцев, он никогда не третировал новобранцев, как это делали другие, но он давал такие нагрузки, от которых сходили с дистанции почти все. А некоторые – кто не хотел сходить – умирали, было и такое. МакКлор был истинным сыном шотландской земли – неуступчивым, сильным, воинственным, сделанным из жил и мышц, готовым ночевать на камнях и питаться тем, что есть под ногами. В штабе САС уже задумывались, что они предпримут через пять лет, когда МакКлора по закону надо будет переводить на штабную работу.

Перед вылетом МакКлора инструктировал сам начальник Генерального штаба фельд-маршал сэр Питер де ла Бильер – и шотландец знал, что не должен отходить от принца дальше чем на десять метров. Собственно говоря, в более-менее нормальной обстановке МакКлор смог бы защитить наследника и один, но в Афганистане обстановка была очень далека от нормальной, и здесь никаких гарантий давать было нельзя.

Вторым был тоже шотландец – напарник Мак-Клора с давних времен, капитан Энди МакДональд по прозвищу Толстый Энди, или просто Толстяк. Свои их называли Два биг-мака.

В отличие от МакКлора, уроженца маленькой деревни, МакДональд был родом из Абердина, успел поработать на гражданке автомехаником, а в армию сбежал от жены после развода. В САС инструкторы всерьез вознамерились его загонять – и каково же было их удивление, когда в тройке прошедших курс и зачисленных в САС оказался и он. Непонятно почему, возможно, из-за слоя жира, но МакДональд не чувствовал ни жары, ни холода, он мог переночевать в снегу и не замерзнуть, даже не простудиться. МакДональд был молчуном и отличным, очень терпеливым снайпером. Для снайпера самое главное не умение стрелять, для него главное – терпение.

Пулеметчик, здоровенный бородатый капитан Шон О’Доннел, после того как в машине, где ехали его отец и мать, взорвалась подложенная «провос» бомба, в девять лет оказался в

³¹ **Черная гора** – это на севере, в районе Брекон-Хиллс. Там проходят курсы выживания у новобранцев САС, и нередко в зимнее время там на марш-бросках умирали люди.

приюте – не в церковном, а в государственном, потому что церковных приютов на всех не хватало. Непонятно, кто такой умный тогда придумал в знак примирения между расколотыми общинами Белфаста создать общие детские дома и заставлять мальчишек из католических и протестантских кварталов расти вместе. Это в Белфасте-то! В городе, где пятилетние пацаны уже осваивают тонкости метания бутылок с бензином. Трудно даже представить, что творилось в таких детдомах по ночам. Они дрались. Дрались каждую ночь, дрались до крови – потому что, если бы они не дрались, их бы опустили: изнасиловали и, возможно, кого-то убили. Пацанов было примерно поровну – что протестантов, что католиков, – и каждый вновь пришедший часто менял расстановку сил кардинально. В спальнях спали вполглаза, всегда назначали дежурных, чтобы враги не подкрались ночью. Потом его выпихнули из «Валлийских королевских стрелков» в САС с напутствием: «Заберите от нас этого засранца, пока мы не передумали». Капитан бывал в Британской Индии три раза – больше, чем кто бы то ни было из группы. Этот раз был четвертым...

Последний из оперативников, уроженец лондонского Вест-Энда, ставшего в последние годы не менее престижным, чем Ист-Энд, капитан Тимоти Уорхол (нет, не родственник того самого художника, как вы могли бы подумать) пришел в армию после окончания Оксфорда, что было очень и очень необычно. Оксфорд он окончил по наущению родителей, а вот в армию отправился по собственной инициативе. Так же как наследный принц, Уорхол не был в Британской Индии ни разу, он служил в Северной Ирландии и считался экспертом по городскому терроризму. В группу его включили еще и потому, что подумали: наследному принцу, возможно, будет приятно пообщаться с образованным, закончившим Оксфорд человеком. Но Уорхола обстановка, царящая в САС, уже испортила, и вряд ли принц смог бы почерпнуть из этого общения что-то полезное.

Что же касается самого принца, то он окончил училище, потом и курсы авианаводчиков – одни из самых жестоких курсов в британской армии. Со своими «няньками» он познакомился всего два дня назад, перед вылетом из Великобритании, но удивительное дело: они, с их непристойными шутками-прибаутками, с их рыщущими повсюду взглядами, с командами – редкими, но которые надо исполнять беспрекословно, – они были для него ближе, чем многие в его доме. Дом, замок, в котором мечтала жить добрая половина подданных Ее Величества, он вспоминал с ужасом. Особенно омерзительным был файф-о-клок, ежедневный чай, подаваемый в пять часов (в семнадцать ноль-ноль, поправил он себя мысленно, не на гражданке уже) в гостиной и на который собиралась вся семья. Это чудовищное, не передаваемое словами лицемерие, это ежедневное выставление напоказ давно разложившегося трупа, в который превратился брак отца и матери, эти их быстрые, острые взгляды друг на друга поверх чашки... Иногда просто хотелось взять серебряный, уставленный веджвудским фарфором поднос, хватить его об пол и заорать: «Да будьте же вы самими собой!» А здесь все было так... как было на самом деле. Армия не терпит лицемерия...

...Дрогнула и с шумом пошла вниз хвостовая аппарель, горячий, тяжелый, пропитанный неистребимым запахом авиакеросина воздух ворвался в самолет. Принц дернулся – и почувствовал тяжелую руку МакКлюра на своей руке.

– Легче, Алекс! – подмигнул ему Уорхол. – Твой Афган от тебя никуда не уйдет...

Одной из мер безопасности, предпринятых в этом вояже наследного принца на войну, было то, что по документам он проходил как Алекс Рид.

– И твой от тебя тоже... – не упустил случая подколоть Уорхола О'Доннел.

– Да пошел ты... Ирландская задница...

МакКлюр дождался, пока из объемистого чрева самолета выйдут все, потом вышел сам, постоял на бетонке у хвоста самолета, оглядываясь...

– Босс на воду дует, – заметил тот же Уорхол.

– Что-то я тебя под Кандагаром не встречал. Покувыркался бы... – резко ответил Мак-Дональд.

– Да что с вами такое сегодня? – изумился Уорхол.

На самом деле это был страх. Самый настоящий. Боялся не только принц, боялись они все. Только полный придурок или отморозок не будет бояться, ступив на эту землю. Еще не боятся штабные крысы – трепаться в барах про свое бесстрашие. Тут таких было немало – в Равалпинди и окрестностях полно складов, штабов, мастерских, и процент небоевых штыков никогда не опускался ниже пятидесяти. Вот эти любят похваляться собственным героизмом, пока не встретят того, кто навалает им по морде, и они героически побегут домой стирать штаны.

МакКлюр решил, что вокруг безопасно, махнул рукой.

– Здравствуй, мамочка моя... – негромко произнес кто-то.

– А где мой белый лимузин?

– Мне и «Шерпа»³² хватит.

– Будете болтать, отправлю бегом до Кабула! – пристрожил МакКлюр.

– О нет, сэр, только не это... – в притворном страхе прикрыл голову руками Уорхол.

– Бездельники...

Ни белого лимузина, ни даже примитивного «Шерпа» им не полагалось – опасаясь террористического акта, никому из офицеров базы не было сообщено о прибытии принца, тем более что база была транзитной. Здесь был только капрал Алекс Рид. И всё.

Взвалив на спины неподъемные вещмешки, повесив на грудь личное оружие, солдаты неспешно пошли к основному зданию базы, туда, где раньше располагался зал ожидания. Дорога была долгой – их загнали на одну из дальних стоянок, и топтать предстояло чуть ли не милю.

Опытным глазом МакКлюр заметил, что здесь как не было порядка, так его и нет. Взять те же вертолеты, которые, ничтоже сумняшеся, носились над летным полем, создавая предпосылки к тяжелой авиакатастрофе. Или взять штабеля с боеприпасами, видимо, следующими транзитом. Если раньше боеприпасы эти выгружали на руках – то теперь они были упакованы на стандартных поддонах, как овощи в супермаркетах, и выгружались погрузчиком, быстрее раз в двадцать. Но складывались они точно так же открыто и без охраны – было бы достаточно небольшой мины-липучки, поставленной тайным фанатиком-ислаμισмом, и все это добро разбросает на многие мили вокруг. Что-то разбросает здесь, что-то – долетит до Равалпинди и там взорвется. Не хотел бы майор быть рядом, когда это произойдет...

Их поселили в типичной «солдатской гостинице», дали номер на шестерых, узкий, с двумя двухъярусными койками и обычными армейскими запирающимися на ключ шкафами для оружия. Если верить местному коменданту, рейс до Баграма пойдет только завтра утром. Можно было улететь на вечернем, кабульском гражданском или дожждаться армейского рейса на Кабул – он сегодня был, – но майор предпочел не рисковать. С обстановкой в Кабуле он не был знаком и знакомиться не собирался...

Когда он вернулся в их «номер», все уже расположились по кроватям, боссу, конечно же, оставили одну из нижних коек. Принц без вопросов занял одну из верхних.

– Самолет только завтра утром, – озвучил МакКлюр.

– Еще одна ночь на нормальной кровати...

– Ты это называешь нормальной кроватью?

– Солдат спит, служба идет...

– Сэр...

Все моментально замолчали, и принц смутился.

– Я это... Сэр, может, прогуляемся?

³² «Шерп» – основной автомобиль британской армии, полноприводной.

– В каком смысле?

– Ну... посмотрим город, съездим на базар...

Офицеры САС мрачно переглянулись.

– Алекс, это может быть опасным делом, – сказал МакКлюр, – в городе неспокойно.

– Но ведь мой отец был здесь два раза. Почему я не могу? И бабушка была.

Черт...

– Энди... – кивнул МакКлюр. МакДональд поднялся с жалобно скрипнувшей под его весом кровати. Двое офицеров САС вышли в коридор.

– Что думаешь?

– Чертовски опасно, – задумчиво проронил МакДональд.

– Но и он прав. Черт, это его владения. Разве можно считать кого-то владельцем земли, если он не осмеливается на ней появиться, черт побери?

– А ты уверен, что это наша земля?

– Не умничай! Тут умных...

– Извини. Тогда как?

– Берем бронжилеты. Пистолеты, гранаты. Помнишь «Мангарай»? Арендуем гражданскую машину и...

Мангарай – так называлась змея, обитающая в Афганистане, в переводе: «стрела-змея». Змеи вообще чертовски быстрые создания, некоторые из них могут поймать низко летящую птицу. Но даже среди сородичей мангарай отличался чертовски быстрой реакцией. Для спецназа САС мангарай – это не просто змея.

С сороковых годов двадцатого века пистолет как личное оружие на поле боя потерял почти всю ценность. Его потеснил уже пистолет-пулемет, а штурмовая винтовка (или автомат, как говорили русские) и вовсе вывела его за скобки. Более того, даже те, кому пистолет полагался по штату, – офицеры, например, – при первой же возможности меняли его на автомат. Кобура и пистолет в ней, равно как полевой бинокль, – визуальный признак офицера и отличная приманка для снайперов. Война пошла подлая, жестокая, и, если еще в Крымскую иногда солдат, взявший на мушку офицера, получал приказ: «Отставить», считалось, что офицеры служат в армии, пусть даже и чужой, не для того, чтобы их убивали простые солдаты, а теперь любой офицер служил самой желанной целью для вражеского снайпера. Поэтому в современной армии опытного офицера не отличишь от солдата – автомат, складной бинокль в кармане, камуфляж часто даже без погон.

В семидесятые именно САС додумалась до нового использования пистолета. Быстрые и жестокие операции в городах, и не только. Пистолет носится скрытно, постоянно на боевом взводе, группа подбирается к цели и³³...

Операции такого рода, а равно и группы, натренированные на подобные операции, получили название «мангарай» – так назвали первую, кабульскую операцию в районе Майванд, а потом прижилось.

И МакДональд и МакКлюр не раз участвовали в таких операциях, а потому знали, как надо действовать.

– Подожди. Есть идея получше.

МакКлюр сходил и вернулся уже с Уорхолом и О’Доннелом.

– Предлагаю план. Нужны две машины. Одну возьмет напрокат Мак – гражданскую, какой-нибудь хороший внедорожник. Вторую – возьмешь ты, Энди. Бери «Шерпа», обязательно бронированного и с пулеметом. Свой «МАГ» – тоже с собой. Тим, ты за рулем. Будете сопровождать нас. Без команды – не вмешивайтесь. Вопросы?

– Куда едем?

³³ В нашем мире такая техника использования пистолета была впервые применена именно британцами в Омане.

– Не знаю, – усмехнулся МакКлюр, – разберемся на месте.

– Что, если «первый» захочет прогуляться пешком?

МакКлюр задумался.

– Оставаться на месте, у пулемета. Если вы покинете машину, будет только хуже. Мы вдвоем справимся.

– Уверен, босс? Здесь есть места, где не справиться и вдесятером.

– Черт, что ты на нервы капаешь! Есть что дельное – предложи!

– Да ладно, босс, я так сказал. . .

Машины пригнали быстро – в гражданском аэропорту напрокат взяли старый «Остин-Метро», командование базы выделило «Шерп» со спаркой «Виккерса» на крыше. Для любой другой задачи этого было бы достаточно, но не для тайного визита члена королевской семьи в один из самых опасных городов мира. Оставалось надеяться только на то, что информация о высочайшем визитере еще не дошла до слуха пуштунских националистов и исламских экстремистов. При последнем (однодневном) визите члена королевской семьи в эти края – это был наследный принц Гарри – произошли два террористических акта за одни сутки. Вертолет, на котором должен был лететь принц, сбили массированным запуском ПЗРК (принц в последний момент решил поехать на машине), а во время выступления перед британскими военнослужащими на базе Чахлала начался ракетный обстрел базы.

Порывшись в вещах принца, МакКлюр нашел кевларовый бронежилет скрытого ношения, который принц, конечно же, забыл надеть.

– О нет, сэр, только не это.

МакКлюр молча стоял перед принцем, держа в руках бронежилет, – и Николас отчетливо понимал, что так он может простоять до второго пришествия. Поэтому начал расстегивать куртку.

– Сэр, я понимаю, что вы должны меня охранять, но... не переусердствуйте, ладно? Я все-таки простой солдат Ее Величества.

– Хорошо, Ваше Высочество.

Принц надел бронежилет поверх футболки, сверху начал надевать гимнастерку и куртку. МакДональд, стоявший рядом, протянул принцу тринадцатизарядный «браунинг» 1935 – старую модель, которую САСовцы предпочитали всем современным.

– Теперь послушайте меня, Ваше Высочество, – МакКлюр говорил тихим и серьезным тоном, – там, куда мы направляемся, не просто опасно. Там нет никаких законов. Есть их видимость, но эта видимость зыбка и обманчива. Если взять наобум десятерых людей с улиц Равалпинди, то среди них обязательно найдется хотя бы один, мечтающий умереть, забрав с собой на тот свет хоть одного солдата армии Ее Величества. Эти люди не колеблясь отдадут свою жизнь за возможность убить вас, они ненавидят вас и ждут подходящего момента. Поэтому не разыгрывайте из себя героя. На войне не бывает героев – по крайней мере, я не встречал ни одного. На войне бывают люди, нашедшие выход из безвыходной ситуации, только и всего. То оружие, что дал вам Мак, – это на самый последний случай, если мы все будем убиты. Не смотрите людям в глаза, не заговаривайте с ними ни о чем. Не привлекайте к себе никакого внимания, не вмешивайтесь ни во что, что бы ни происходило на ваших глазах. В любую секунду вы должны знать, где находится ближайшее укрытие от пуль. Если начнется перестрелка, бросайтесь туда и падайте ничком, не бойтесь испачкаться, ибо лучше испачкаться грязью, чем собственной кровью. Не высовывайтесь из-за укрытия, пока мы не разберемся с проблемой. Когда у нас возникнут проблемы, я буду вам несказанно благодарен, если вы не прибавите к ним еще несколько. Коли мы будем ранены и убиты, бегите со всех ног, не пытайтесь нам помочь, стреляйте в любого вооруженного человека, оказавшегося на вашем пути, будь это даже ребенок или старик. Не жалейте никого, ибо они вас не пожалеют, – одного из парней, с которым я начинал, убил десятилетний пацан с гранатой. Ищите спасения на крупных магистралях, там

много полиции, есть и армейские части. Теперь, Ваше Высочество, скажите, после того что вы услышали, вы все еще хотите прогуляться по Равалпинди?

В глазах у принца вспыхнул и пропал странный мимолетный огонек. Можно было многое говорить про королевскую семью, но одного у нее нельзя было отнять: ее мужчины отличались храбростью. Во время событий на Фолклендах³⁴ дядя принца служил в вертолетной эскадрилье, участвовал в высадке десантов под огнем противника. Аргентинский штурмовик прицепился к «Вестланду», за штурвалом которого сидел принц королевской крови; почти всегда это означало смерть, но дяде удалось уйти, опасно маневрируя, спастись самому и спасти десант.

– Сэр, я принял решение.

База Чахлала стояла между двумя городами-спутниками: Викторией³⁵ и Равалпинди. Викторию строили британцы по европейским и британским архитектурным канонам, там был своего рода «кусочек Британии на чужой земле», отгороженный рвом и стеной, которые, впрочем, не останавливали полет мин и реактивных снарядов. Широкие и прямые улицы, много зелени, утопающие в зелени сады. Равалпинди же олицетворял собой местный колорит – большой, грязный, опасный, разросшийся, словно раковая опухоль, город. Считалось, что в нем на сегодняшний день спокойно, но спокойно здесь – это когда на улицах не идут бои. Несколько выстрелов из-за угла, брошенная граната беспокойством здесь не считается, это мелкие неприятности.

Они выехали на большое, восьмиполосное короткое шоссе, связывающее Викторию и Равалпинди. Выезд прикрывал сложенный из бетонных блоков блокпост, оцетинившийся стволами пулеметов. На шлагбауме, откатывающемся в сторону, а не поднимающемся, какой-то умник повесил плакат: «V-R Welcome!»³⁶ Больше бы здесь подошло «Добро пожаловать в ад!»...

Машины на дороге были все до одной запыленными, старыми, британскими – иномарок не было, заградительные пошрины действовали во всем блеске. Немало грузовиков – несмотря на то что до Пешавара проложена железная дорога, многие предпочитают возить грузы по старинке, потому что в любой момент полотно дороги могут взорвать, и тогда груз придет неизвестно когда. Такими же запыленными, обвешанными противоккумулятивными решетками были и бронетранспортеры патрулей – «Сарацины» и «Волки».

Принц устроился на заднем сиденье. Движение здесь, как и на всех британских территориях, было левосторонним, поэтому Николаса посадили на правую сторону. МакКлюр ехал на левой стороне, держа на коленях автомат. Как он сказал, обстрел может начаться слева, со стороны обочины – и Его Высочеству безопаснее ехать справа. Чуть позади, в «Шерпе», ехали еще двое. Скорость держали максимально разрешенную.

Они решили сыграть роль интендантов, офицеров-хозяйственников. Часть продуктов питания для группировки британских войск закупалась здесь, на месте, – и офицеров-хозяйственников, по негласной договоренности, не трогали. Они приносили деньги торговцам, торговцы давали долю на джихад. Получалось, что британская армия сама финансировала войну против себя, но хозяйственников не трогали.

³⁴ Были и в этом мире. Аргентине тайно помогала Священная Римская империя, и сражения за крохотный кусок земли в океане получились намного более тяжелыми, чем это было в нашем мире. Аргентинцам удалось утопить линкор и авианосец британцев, были нанесены удары и по самой Аргентине. Война была прекращена по настоянию САСШ и после того, как отчетливый интерес к происходящему проявила не только Священная Римская империя, но и Российская империя, а два ударных авианосца Тихоокеанского флота отправились на юг.

³⁵ В нашем мире это город Исламабад, столица Пакистана. В этом – резиденция генерал-губернатора и своего рода сеттлмент на своей же земле, назван в честь королевы Виктории.

³⁶ Образчик британского юмора. V-R – это и Victoria – Rawalpindi, и Victoria Regina, королева Виктория.

Улицы в Равалпинди были богатыми и обманчиво спокойными. Город считался столицей всей северной Индии, автомобилей тут было много, намного больше, чем мест для парковки и улиц. По тротуарам сплошным потоком текли люди, водители истошно сигналили, лезли вперед, не соблюдая никаких правил. Особенно неистовствовали таксисты – половина ездил на таких же «Остинах» и «Морисах», вторая половина – на трехколесных мотоциклах и мотороллерах, окрашенных в специфический желто-черный цвет. На мотороллерах же в основном развозили товар, его грузили столько, что оставалось только удивляться, как это вообще можно везти и не опрокинуться.

И тут же как навязчивое напоминание о смерти, о поселившейся в городе беде – выбитые взрывом стекла, выгоревший изнутри магазин, щерящийся черным зевом окон, мигалки полицейских машин, стоящий рядом броневик британской армии...

– Хозяин, видимо, не захотел давать долю на джихад, Ваше Высочество... – просветил принца Мак-Клор. – Тогда они показательно расправились с ним, в назидание остальным. Это самый настоящий рэкет.

– Здесь все дают деньги террористам?

– С теми, кто не дает, может случиться то самое, что вы сейчас имели удовольствие лицезреть, Ваше Высочество.

Принц погрузился.

– Но как же в таком случае это прекратить?

– Никак. Только уйти отсюда. Но если уйти отсюда, Ваше Высочество, тогда они начнут убивать друг друга. Здесь у всех счеты друг с другом, стоит только уйти нам, разразится гражданская война.

– Есть еще один хороший способ, Ваше Высочество... – отозвался МакДональд из-за руля, – надо сбросить сюда нейтронную бомбу. Это решит все проблемы разом.

– Помолчи, шутник... – раздраженно произнес МакКлор.

Машина свернула с дороги, пошла по более узкой улице...

– Ты куда это?

– Разворачиваюсь. Хватит. Погуляли.

– Подождите, – сказал принц, – здесь есть базар?

САСовцы переглянулись.

– Есть, Ваше Высочество...

– В таком случае я хочу его увидеть.

Базар...

Восточный базар – это целый город, это лабиринт, из которого не выведет никакая нить Ариадны, это заработок для одних и разорение для других. Торговец, который торгует золотом, может быть гол как сокол, а просящий рядом милостыню нищий – иметь собственный большой дом. На восточном базаре вас запросто освободят от денег, от стыда и совести. Возможно, и от жизни. Всякое бывает на базаре.

«Шерп» остановился. МакДональд сбегал и переговорил кое о чем – после чего они нырнули в базарную толчею, как пловец – в ледяную воду. Автоматы оставили висеть на боку, притворяясь обычными находящимися на отдыхе, даже не слишком трезвыми британскими «томми», но у каждого в кармане был взведенный пистолет, и рука твердо держала рукоять. Выхватить и выстрелить – меньше секунды.

Принц шел по базару неторопливо и несуетно, дольше всего он задержался в золотых рядах, купил себе какой-то грубоватой работы, но золотой браслет, из тех, что нелегально делали в Индии. Заплатил британскими фунтами, их приняли. Потом они прошли по петушиным рядам – тут продавали боевых петухов, тут же проводились петушиные бои. Около одного такого места, где в клетке убивали друг друга петухи и где столпилось много народа,

принца попытались лишить бумажника, но он был начеку, и бумажник остался у законного владельца.

Прошлись по рядам, где торговали всяческой снедью, принц купил несколько лепешек с мясом и зеленью, а его спутники, чтобы поддерживать имидж, расспросили нескольких торговцев о возможности оптовых поставок мяса и ценах на него. Также купили немного мяса на пробу. Опытные военные, покупая что-то для себя из съестного, говорили, что это на пробу, тогда торговцы делали приличные скидки и отдавали лучший товар из имеющегося. Тут, если не держать ухо востро, тебе подсунут и гниль.

Из наполненных мухами, криком и вонью мясных рядов они вынырнули в ряды, где продавали велосипеды и всякую рухлядь, принц сделал знак – и МакКлюр оказался рядом.

– Думаю, достаточно...

– Прошу за мной, Ваше Высочество...

Потом МакКлюр долго ругал себя за то, что повел принца на выход самым коротким путем, мог бы и обойти. Большую глупость отчебучил. Но что сделано, то сделано...

– Мак! – гроыхнуло сзади как выстрел.

МакКлюр повернулся – и увидел МакДональда. И принца, который стоял у клетки с детьми и которого Мак ненавязчиво придерживал, чтобы тот не совершил еще большую глупость.

Майор в мгновение ока оказался рядом.

– Пойдемте, капрал. Нечего здесь торчать.

– Сэр, что это такое? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил принц.

– Ничего. Пойдемте.

– МакКлюр, я не сдвинусь с места, пока вы мне не объясните, что именно здесь происходит.

Блестящие бусинки глаз затравленно смотрели на собиравшихся около клетки взрослых, грязные, иногда в нарывах руки вцепились в ржавый металл прутьев. Чуть дальше была еще одна клетка. И еще...

А еще больше был огороженный высоким забором участок рынка, и там были видны покупатели. И товар. Товар находился в таких же клетках или прикованный к столбам наручниками.

– Капрал, это дети. Вы что, детей не видели?

– Что здесь делают эти дети, МакКлюр?

Твою мать!

– Это местная традиция. Если в семье нечего есть, продают одного из детей. Здесь в семьях очень много детей, по пять-семь человек, а то и больше.

– Здесь торгуют детьми? На земле Британской Короны торгуют детьми?!

МакКлюр затравленно огляделся, вокруг уже собирался народ. Здесь вообще очень быстро собирался народ: ограбили, убили – через несколько минут на месте не протолкнуться от зевак. Принц сейчас в таком состоянии, что может ляпнуть любую глупость, а местные это не оценят.

– Капрал, я хочу, чтобы вы взяли себя в руки и следовали за мной!

Подскочил торговец – низенький, бородатый, в каком-то халате. МакКлюр раздраженно начал выговаривать ему на его родном языке, торговец почтительно кивал. Он был виноват и сознавал свою вину. За место на рынке надо платить, для торговли людьми отведен специальный сектор рынка, огороженный, – и там плата за место очень велика. Этот плут, видимо, попытался сэкономить, и сейчас экономия выходила ему боком. По рыночным законам за попытку обмана администрации рынка полагалось наказание кнутом.

– МакКлюр, я хочу...

– Смирно!!!

Автоматически принц принял стойку смиренно, это было вбито в подкорку в училище. Там учат сначала выполнять – потом думать.

– Капрал, по прибытии в базовый лагерь получите взыскание! За мной! МакДональд, конвоируйте его! Пошли!

В толпе удовлетворенно зашушукались, видеть, как британец получает наказание, для многих было забавно и приятно.

МакДональд просто обхватил своей ручищей протестующего принца, порывавшегося достать бумажник (хорошо, что в пылу не ляпнул лишнего!), и вывел его из толпы. Украдкой кто-то бросил в широкую шотландскую спину камень, но Энди даже не почувствовал этого...

Когда объявили отбой, принц пропал. Вспокоившийся майор нашел его на крыше терминала – туда обычно выскакивали покурить и позагорать, если выпадала такая возможность. Принц стоял у самого парапета и смотрел в звездное, поразительно яркое небо. Здесь, в высокогорье, звезды были на удивление яркими и большими – в метрополии таких не увидишь.

Заслышав едва заметный шорох осторожных шагов, принц не обернулся.

– Это были дети, МакКлюр, – проронил он.

– Да, сэ... – не нашел лучшего ответа майор.

– Их надо было выкупить.

– Всех не выкупишь, сэ. Вас бы разорвали на части – и нас тоже.

– Это были дети, МакКлюр. В двадцать первом веке на земле Британской Короны торгуют детьми, как скотом.

– Сэр, есть вещи, которые не исправишь.

Принц повернулся, его глаза горели ненавистью.

– Не исправишь? Не исправишь, МакКлюр? Кто-нибудь попытался исправить, хоть один человек? Или просто все считают, что достаточно высокого забора?

– Сэр, здесь так живут. Это дети местных.

– Не врите, МакКлюр. У одного из них были голубые глаза, я запомнил. Это тоже ребенок местных?

А чтоб тебя...

– Сэр...

– Говорите, майор, говорите. Надеюсь, у вас хватит чести не врать принцу Короны.

– Сэр, возможно, это был русский ребенок. Иногда такое бывает. Местные не осмеливаются похищать британских детей, они знают, что будет, если кто-то нарушит договоренность. За одного покарают всех.

– Договоренность?! Британская Корона договаривается с торговцами детьми? Чиновники Британской Короны договариваются с работоторговцами? Я об этом не знал...

– Сэр...

– Уйдите, МакКлюр. Оставьте меня. Я должен подумать.

11 июня 2002 г.

Пограничная зона, граница Канады и САСШ

Как и во многих североамериканских семьях, в семье лейтенанта полиции Мантино было три автомобиля – пусть все три и подержанные. Сам глава семейства ездил на «Краун Вике» – «Форд Краун Виктория», рабочая лошадка таксистов и полицейских. Миссис Мантино водила фургончик «Крайслер», и еще у них был большой, черный, повидавший виды «Шевроле Субурбан». Его купили на распродаже федерального имущества и переделали так, чтобы таскать прицеп с лодкой или мобильным домом. Лодка у лейтенанта была, он любил и охотиться, и рыбачить, а вот дома-прицепа не было – такой дом в случае чего можно было взять напрокат, чтобы отправиться куда-нибудь в путешествие. А сегодня лейтенант оставил дома «Форд», отцепил прицеп от «Шевроле» и выехал на нем. Когда завелся огромный V8, скрытый под капотом «Шевроле», лейтенант недовольно поморщился. Бензина эта зверюга жрала море, и компенсировать горячее ему никто не станет, поскольку он выехал не на служебной машине. Но в ситуации, когда за ним слежка, – плевать на бензин. Зато в такой машине в транспортном потоке чувствуешь себя намного увереннее, чем на дорожном крейсере от Форда, а если что – можно пойти и на таран, благо машина с таранным бампером. Лейтенант и сам не знал, что он будет делать, – возможно, он прижмет этих козлов, что следят за ним на дороге, и задаст им парочку неприятных вопросов. А возможно, и нет – как пойдет. Как бы то ни было, сегодня лейтенант вооружился до зубов. В поясной кобуре лежал служебный «Кольт-1911» правительственной модели, в наплечной кобуре – лейтенант ее почти никогда не надевал – скрывался австро-венгерский восемнадцатизарядный «Штейр-ГБ». В самом «Шевроле» в тайнике в водительской двери, который оборудовал он сам, ждала своего часа короткая «Итака-37» с пистолетной рукояткой, оставшаяся от отца.

Возможно, все это ему сегодня пригодится...

Лейтенант жил в пригороде – небогато, но банку за свой дом он уже все выплатил. Выехав из своего района, он поехал по кольцевой – сегодня ему нужно было съездить к отцу, а жил тот намного севернее, почти на самой границе с Канадой. Грегори Мантино, выйдя в отставку, не ушел из полиции. Он стал шерифом маленького приграничного городка, доказывая тем самым, что «усилителем закона» можно работать, даже если тебе под семьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.